

The background of the cover is a surreal landscape. At the top, a bright sun is setting or rising over a horizon, casting a long, shimmering golden path across a body of water. A single bird is captured in flight against the colorful sky. In the foreground, a large, ethereal, and somewhat translucent face of a person is visible, looking towards the viewer. The overall color palette is dominated by warm, vibrant tones of orange, red, and purple, creating a dreamlike and mystical atmosphere.

**ПО ТУ СТОРОНУ
РЕАЛЬНОСТИ**

ТОМ 2

**СБОРНИК МИСТИКИ
И ФАНТАСТИКИ**

АНТОЛОГИЯ

**По ту сторону реальности.
Сборник мистики и
фантастики. Том 2**

Издательство «Союз писателей»

2013

УДК 82-344
ББК 84(2 Рос+Рус)

Антология

По ту сторону реальности. Сборник мистики и фантастики. Том 2 /
Антология — Издательство «Союз писателей», 2013

Каждому человеку интересно ощутить себя за гранью этого мира, и мы предлагаем вам открыть портал в мир, который создавали для вас более тридцати авторов. Добро пожаловать за грань вашего сознания, в мир, наполненный мистическим духом и фантастическими технологиями. Позвольте своему разуму окунуться в атмосферу, далекую от привычной. Пусть каждая страница этого сборника впитает в себя ваши эмоции и переживания. И поверьте, читая этот сборник, вы сможете ощутить себя «по ту сторону реальности».

УДК 82-344
ББК 84(2 Рос+Рус)

© Антология, 2013
© Издательство «Союз
писателей», 2013

Содержание

Николай Артюхов	5
Кайлас	6
Перекресток	8
Художнику	9
Ольга Барсова	10
Каляка-Маляка	10
Маргарита Вассаби	20
Шляпка	20
Алексей Весин	23
Бриллианты	23
Татьяна Витакова	30
Заколдованный лес	30
Серафим	32
Смертельный танец	33
Забери меня с собой	34
Лошадь ведьмы	36
Колдун	37
Андрей Голубь	39
Панацея Рея Бредли	39
Оксана Гринберга	51
Тринадцатая жертва	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

По ту сторону реальности Сборник мистики и фантастики. Том 2

Николай Артюхов

г. Уфа, Башкортостан

Создатель эзотерического, ченнелингового и биоэнергoinформационного проекта Age of Aquarius (<http://aquarius.ucoz.net>).

Дата рождения 06 июля 1995 года.

Являюсь контактером с различными представителями Высшего Разума. Мой опыт, помимо личной работы с Высшими Мирами, включает в себя также подготовку других людей для ченнелинга с Внеземными Цивилизациями и Высшими Силами.

Желание фиксировать полученную информацию от Высших Сил в стихотворной форме нашло свой выход в циклах стихов, посвященных различным аспектам эволюции человеческой души, сознания, а также философии и психологии развития человеческих индивидов на Земле и в Высших Сферах Космоса.

Печать Высшего Разума наложена на представленную поэзию. Поэтические строки превращаются в соцветие гармоничного и одухотворенного начала.

В стихах тонко чувствуются, глубоко осмысливаются и чутко передаются те тонкие грани божественного, которые несут самые высочайшие знания и чистейшие энергии в вашу жизнь.

Каждая строка, принятая мною, прочувствована сердцем и душой. Чувствуется Божественная сила, направляющая потоки творений и помогающая создавать вечное и неповторимое.

Поэзия Высшего плана оказывает чудодейственное, исцеляющее воздействие на души и раскрывает в каждой душе живой потенциал для дальнейшего совершенствования и развития.

Кайлас

Загадку тайную пытаются познать
Великие умы, вершители планеты,
Но не под силу им, направив власть,
Постичь умом и силой тайну эту.

Из недр планеты возродился столп,
Всевластным огражден потоком света,
Защиту получил и в окружении гор
Принес потенциал внушительных заветов.

Раскрыть загадку, доступ получить,
Ступить в чертог великого отсчета
Дозволено лишь тем, кто волен быть
По правилам и принципам могучего оплота.

Проникнуть вглубь, вкусить ядро частот
Допустят тех, кто к Богу прикоснулся.
И не дозvoлят разрубить Единый пут,
Прильнуть к святыне света всем безумцам,
Пытавшимся ввести в тупик и захватить престол
Над всем величием могущества Вселенной,
Ввергать в анклав неверия, духовный поощрять застой
Младых сознаний, слабых душ, и непременно

Останутся они с теорией пустот,
Что наполняют Высшее создание,
Что в стадии сомати на века
Там ожидают возрождения
Святые лики Мироздания.

Стремиться вскрыть насилием врата
Не следует безбожникам грешившим.
Сойдет с высот напалм Его огня,
Настигнет кара за Его покой лишивших.

И время будет призрачно играть,
Пугать и разрушать стереотипы,
И звуки станут форму обретать,
Вносить разлад в устойчивые типы.

К своей обители духовной на Земле
Он не допустит ни единой грешной Сути.
Плутающим, затерянным во мгле
Подскажет путь, и выход на распутье
Приобретет реальные черты,

Терзания отойдут, иссякнут заблуждения,
Почувствуешь опору, упадут путы,
Прильнешь душой к венцу его Творения.

Резервуар наполненных частот
Содержит центр силы и сознания,
Что вызывает трепет и полет в душе,
В познании и в миросозерцании.

И тонкое начало над столпом
Реализует связь Земли с её Создателем.
Поэтому войти в святой тот дом
Достойны только истины искатели.

Перекресток

Стою на перекрестке двух начал
В раздумье и чудесном настроении
И размышляю о судьбе, причал
Ищу и знаки провидения.
Идти направо взор меня манит,
Признание сулят и громогласно
Пытаются внушить почет, и мнит
Себя тот голос вечным, полновластным.

Прислушиваюсь к внутреннему я
И чувствую беззвучный тихий шепот.
Не ошибись – не там твои друзья,
Прозрей и не поддайся року, ропот
Ты будешь ощущать в краю чужом,
И сделают рабом безвольным. Силы
Те не допустят выбора потом,
Погрязнешь в распрях, и застой могилы
Затянет на века в свой темный дом.

Иду налево, матрица души
Ликует и в предчувствии блаженства
Взмывает ввысь, в безоблачной тиши
Распахивает все ячейки к совершенству.

И доминантным в неге неземной
Являются не призрачные блага,
А просветленный вечно Дух Святой.
Возвышенный, он отдален от мира страха.

Художнику

Поэтично, молчаливо окунул в родник учений
Мастер кисти и нюансов, вызвал бурю восхищений.
Дух живительный заложен в дар творцу тех провидений,
И рука с печатью божьей окрыляет Суть творений

Бликов вихрь, прекрасных ликом лета,
Тонких кружев, сотканных из света,
В призрачную даль влекут, с внезапностью ракеты
В тихий стан души безмолвного поэта.

Распахнул для нас божественные дали,
Погрузил сознание в искание Грааля,
Дал душе к святому духу прикоснуться,
Матричной константе в мелодичные частоты окунуться.

Слиться с Ним позволил в сладостном блаженстве,
Воссоздал нам кистью облик совершенства,
Преданно творил и созидал, мазки лелея,
Уникальный мастер с багажом Орфея.

Растворитесь в ясных отблесках сердечной неги,
Исцелитесь от неверия, оставьте страх на берегу,
К истине плывите вслед за ним, творящим чудо,
К вечному, к Создателю, к тому, кто с нами всюду.

Ольга Барсова

г. Череповец

Каляка-Маляка Мистическая повесть. Журнальный вариант

Нарисовать мир карандашом не составляет особого труда. Если это делает ребёнок...

Если ты хочешь понять тех, кто близок, научись вначале слышать стук своего сердца.

Артём рос спокойным ребёнком. И многие даже завидовали Алле, его матери. Иногда она оставляла малыша дома, давая строгий наказ, чтобы он ничего не натворил, а тихо-мирно сидел и рисовал до её прихода. Артём так и поступал. Карандаши стали любимым его утешением, когда матери не было дома. Он брал их в руки и разрисовывал альбомные листы. В такие минуты мальчик забывал обо всём на свете и уносился мыслями в какой-то иной, сказочный мир, где было тепло и по-домашнему уютно. Обитатели такого придуманного мира уважали себя и заботились друг о друге. Они ходили на чай в гости даже без приглашения, а их домики чаще всего и вовсе не запирались. Ведь то были гномы.

Алла работала на картонажной фабрике, и потому альбомы и карандаши в доме не переводились. Когда Артём чуть подрос и стал ходить в детский сад, Алла по привычке снабжала бумагой и красками воспитателей. За что те ей были несказанно благодарны. Они хвалили усидчивого Артёма и ставили его в пример остальным. Дети, заметив, что Артём любит рисовать, а воспитатели души в нём не чают, прозвали его Каляка-Маляка. Артёму вначале это не понравилось, но когда Алла объяснила, что так называют художников, мальчик успокоился и присмирел.

– Надо же, как тебе повезло, Алла. Какой тихий, скромный мальчишка растёт. Мне бы такого! А мой – буян. Случись что не по нему, тут же кулаки в ход пускает.

Алла только застенчиво улыбалась, зная, что про её Артёма правду говорят соседи: тише воды, ниже травы. Он был послушным и исполнительным, выполняя все наказания и поручения своей любимой мамы. Но всё изменилось однажды, когда в семье появился мужчина. Это был бородач и балагур по имени Матвей. Он сразу же ворвался в тихую и размеренную жизнь Аллочки и Артёма, взяв их под своё крыло.

– Чё-то он у нас щуплым растёт, а, Аленький? Давай отдадим его в секцию какую-нибудь спортивную. Пусть мускулы подкачает.

– И зачем? – удивилась Алла.

– А ты что застыл, щурёнок. Сам как думаешь?

– Не знаю.

– Не знаю, – в тон ему произнёс Матвей. – А пора бы уже знать. Не всё за юбку мамкину цепляться. Такого, как ты, дохляка да слабака, ни одна гарна дивчина не полюбит. И потому, когда вырастешь и женишься – будешь вечным подкаблучником.

– Не буду! И жениться тоже не буду!

– Будешь! Куды ты денешься! Влюбишься и женишься. Но если не поменяешь в корне свои привычки, то так и останешься тряпкой.

– Ну это ты, Матвей, зря. Он же ещё ребёнок...

– Какой он ребёнок, мать? Давно уже подросток. Не заметила, как вырос? Посмотри на него. Ему же через несколько лет в армию! А мускулы? Нет, ты пощупай! Если глазам не веришь.

– Да ну тебя.

– Что, ну тебя? Их же нет!

Алла только вздохнула. А Артём выбежал, красный как рак, из-за стола и метнулся прочь. Всю ночь он проворочался. Обида комком подкатила к самому горлу, мешая дышать.

– Это я – щурёнок? Ну, погодите, – выдавил, наконец, из себя подросток.

Взгляд Артёма невольно упал на соседнюю подушку. На ней всегда лежал его друг, гном. Обычно мальчик целовал в самый нос любимую игрушку, затем обнимал её и с пожеланием спокойной ночи засыпал. А тут...

– Что скажешь, мой друг?

Но гном молчал.

– Вот-вот, – поспешно заговорил Каляка, – рисовал я вас, рисовал, думал, что друзья... И всё, видимо, напрасно.

Неожиданно Артёму показалось, что гном что-то ему проговорил. Мальчик взял игрушку в руки. Но маленький человечек улыбался и молчал. Артёму стало обидно до слёз.

– Я столько времени потратил на тебя! Делился самым сокровенным! Считал своим другом. А ты? Бездушное существо!

И мальчик метнул игрушку в угол.

Неожиданно комната окуталась туманом, сквозь который проступила чья-то незнакомая тень. Каляка сидел как замороженный на кровати, не смея пошевелинуться. Руки и ноги его свела судорога, а сердце усиленно забилося в груди.

– Кто здесь? – выдавил он из себя.

В ответ же услышал лишь хохот, но такой, от которого кровь застыла в жилах. То была тень гнома Ферлара. Но каких размеров достигала она!..

– Ничего не бойся, – прошепестело над самым ухом Артёма. Он зажмурился, а когда открыл глаза, комната вновь была прежней.

– Уф! Приснится же такое, – произнёс мальчик и, закрывшись одеялом, уснул...

На следующий день Артём записался в секцию самбо. А через пару лет упорных занятий получил первый юношеский разряд.

Проблема выбора профессии перед Артёмом не стояла. Как и Матвею, ему нравились автомобили. На кухне они подолгу просиживали за столом, рассматривая журнал «За рулём» с новыми моделями современной техники, спорили и хвастались. После окончания десятилетки молодой человек пошёл в автопарк и стал работать водилой. Затем – армия. И вновь за баранку. Всё как у всех. Пока не встретил свою первую любовь.

В какой-то момент Артём вдруг понял, что Алла – девушка его мечты. И ему другой не нужно. В какой-то момент Алла вдруг поняла, что посвятит свою жизнь музыке. И ей другое не нужно. Оба жили своими мечтами. И оба ходили порознь. Один не решался подойти, осознавая свою несостоятельность. А другая – потому что его не замечала. Не видела. В упор. Он пропадал на её концертах, любуясь тем, как она ловко и изящно умеет извлекать звуки из скрипки. Длинные и проворные пальцы скрипачки вытворяли самые настоящие чудеса. Артём созерцал действо с замиранием сердца. Но Алла настолько была увлечена игрой, что и после выступления находилась ещё некоторое время во власти её магии. Скрипачка старалась ни с кем не общаться и быстро растворялась, оставив после себя напоследок шлейф загадочности и смутных невыраженных желаний не только у Артёма. К слову сказать, она была его кумиром.

– Аллочка! Гайдн – чудо... Чудо, что такое. В Вашем исполнении. Ах, как же Вы блистательны. Само очарование!

Но Алла молча захлопывала дверь «Волги», лишь обдав холодным взглядом огромных зелёных глаз очередного поклонника. В её руках был неизменный букет алых роз, а на сиденье лежал футляр со скрипкой.

– Ты не видел Артёма?

– Да только что тут был. В коридоре, наверно. Далеко уйти никак не мог. Покличь!

Разгорячённая Зиночка вышла за дверь. Но Артёма не было видно. Она махнула рукой. И куснула в сердцах губу. Это был беспорядок.

Артём! Да где же он? Ты где? Куда запропастился-то? Артё-о-ом! И где его черти носят? – выкрикнула недовольная раскрасневшаяся диспетчер. Сдерживать себя она уже не могла. Время подгоняло. А тут! Но делать было нечего. Возвратилась на место. Не ждать же одного. И только села, а он тут как тут.

– Я здесь.

– А-а! Наконец-то! Явился не запылится! Не прошло и полгода.

– Ну это слова из песни известной.

– Да! Высоцкого. Ты вот что, Артём. Получай наряд. Едешь в Питер с грузом.

– Понял.

На ходу читая писульку, Артём заторопился к выходу из конторы. Всё как обычно. Ничего особенного. Но что-то внутри ёкнуло, заставив сердце тревожно сжаться. Артём замер, притронувшись рукой к левой половине груди. Но тотчас выдохнул. Стало, как прежде, легко и просто дышать. «Ну слава Богу, отпустило. Сдавило, словно жаба села». Он перевёл взгляд на обочину и увидел, как в пыли что-то блеснуло. Подошёл ближе: мать честная, золотая безделушка! Взял в руки. Точно, драгоценность. Да ещё какая! Очнувшись от нечаянного навета, быстро затолкал её в карман, пропихнув рукой поглубже. Сердце вновь зачастило в груди как разлаженный метроном: туда-сюда, туда-сюда. Постояв ещё пару минут, чтобы перевести дыхание, Артём направился к машине, размышляя на ходу о приключившемся.

– Пошаливаешь, – тихо произнёс он. – Но ничего страшного. Проверься ведь.

Надо отдохнуть. Развеемся. Съездить куда-нибудь на пару деньков. И всё пройдёт. Просто устал. Так врачи сказали.

– Что, Артём, сердечко забарахлило? Вроде рано. Молодой ешшо, – подтрунивал напарник, который разглядел-таки, глазастая бестия, жест Каляки-Маляки. И даже в шутку хлопнул по плечу. Это было прозвище Артёма, приклеившееся к нему ещё в детстве, да так накрепко, что счастливо перекечевало в настоящее. Изредка, когда дальнобойщик- напарник сердился или, наоборот, хотел поддержать, он называл его так. Но Артём не обижался. Каляка-Маляка так Каляка-Маляка. А тут... Словно муха укусила! Он с силой оттолкнул руку пожилого водилы. Та шмякнулась о стекло. Глухой удар и возглас обиды:

– Да ты что, совсем с ума, что ли, сошёл? Что на тебя нашло такое?

– Прости, так, что-то показалось.

– Кажется – креститься надо. Как же больно-то, а!

– В поездке пройдёт. Я же уже извинился.

– Так ты не крещёный?

– Нет вроде, – раздражённо процедил Артём сквозь зубы. Разговор явно не клеился, но тот, что сидел рядом, никак не мог угомониться, продолжая искать нить разговора.

– Как же так, не знаешь? Тебе что, мать разве не говорила?

– О чём?

– Крещёному по жизни легче. Вроде Бог с тобой. Коли не знаешь, покреститься можно и самому. Это таинство в любом возрасте не возбраняется, если желание есть. А вот я, малой когда был, сам не помню, под стол пешком ходил, а батя сказывал...

– Креститься говоришь? И то правда! Вот до кладбища доберёмся первого, там и покрестимся, – с ходу перебил Каляка, со злостью надавив на газ.

Напарник с опаской глянул на Артёма. Таких странностей он от Каляки ещё не слышал. «Не с той ноги, что ли, встал?», – пронеслось как молния в голове. Но езда по ухабистой дороге отбила охоту думать о новоявленных причудах Каляки-Маляки. Путь лежал неблизкий. Спать в люле было невозможно, и потому пожилой водила затеял разговор, ожидая, что Артём в пути поддержит басни, и так они скоротают время за баранкой.

– Слышь, Артём, я малой был.

– Скинь мне сигаретку вот сюда, на потраву, – перебил его Каляка, совершая характерный жест рукой и чуть скривив лицо при этом.

Напарник незамедлительно исполнил нехитрое поручение и открыл по ходу боковое оконце.

– Ну это ты зря, Михалыч. Дым в тебя пойдёт.

– Да я привычный, – махнул тот рукой.

– Ты ж вроде бросил? Ну, как знаешь.

И Артём закурил. Дым, естественно, пошёл в сторону напарника. Михалыч аж закашлялся. Но Артём смолил как ни в чём не бывало. Предупреждал ведь! Сквозь глухой кашель напарник решил продолжить байку. Но Каляка вновь ему не дал, попросив закрыть всё же окно. Водила так и поступил. Как только, крутя привычно ручку, он открыл было рот, Артём перебил его, спокойно заключив:

– А вот и кладбище.

– Ты что, серьёзно, что ли?

– А я разве когда-то шутил с тобой?

– Что-то не припомню, – суетливо проговорил пожилой, поёжившись, хотя в кабине была обычная температура. Вылезать с насиженного места он не испытывал никакого желания.

– А при кладбище всегда церквушка бывает, – добавил Артём тихим голосом.

– Бывает-то бывает, конечно, да ведь ночь на дворе.

– Что ж такого, что ночь, если надо спешно, – Артём посветил фонариком вокруг. И тут прямо на глаза попала надпись населённого пункта.

– Название какое-то чудное. За Семью Холмами. Сроду не слышал ничего подобного, – откомментировал увиденное напарник. И добавил, пожав плечами. – Вроде ездил по этой трассе. Ерунда какая-то. Не помню.

Но Артём ему не ответил. Он открыл дверцу и выпрыгнул из кабины.

– Ну, ты пойдёшь или как?

– Да, я иду, – не без удивления проговорил старший. Он с опаской глянул на Артёма, никак не понимая, зачем тому понадобилась такая нелепая канитель.

Впереди мелькнули кресты. Это было деревенское кладбище. Двое шли по нему и молчали.

– А вот я, малой когда был, – решил прервать тишину Михалыч, чтобы не так страшно было идти. Нехорошее предчувствие не оставляло, и время от времени он подёргивал плечами, как от мороза. Однако то был внутренний холод, и отогнать так просто его не получалось.

– Ты, Михалыч, молчи лучше да под ноги поглядывай. Не то не ровён час...

– И что?

– И склеп. Провалишься. Я вытаскивать не буду.

– Я сам вылезу, коль за тем дело встало, – пробурчал недовольно пожилой водила. Ноги его всё время вязли в жиже. И это было тем более странно, что лето стояло жарким.

– Как же ты вылезешь, коли под землю провалишься?

– Послушай, Артём, ну будя шутики шутковать. Разворачиваемся и айда назад. Видишь, здесь церкви нет. Да и идти тяжело.

– Что, ноги пожалел, да?

Артём неожиданно остановился, а затем подошёл к Михалычу вплотную и произнёс с недобрый блеском в глазах:

– А про любопытную Варвару помнишь? Что с ней произошло?

Напарнику стало вовсе не по себе. Ночь, кладбище. Да и Артём как-то совсем необычно себя ведёт. Но на ум ничего не пришло, кроме дурацкой фразы:

– Не понял.

– Всё ты понял, чумак глазастый, – меня ботинками грязь, заявил Артём. Его поза явно выражала угрозу. А по лицу пробежала тень. Михалыч стусевался. Внутри всё похолодело, а затем, словно подвязанное на ниточках, оборвалось и ухнуло вниз: бац. Но говорить что-то надо было. Он осознавал умом, но не знал, что. Поэтому выдал из себя, что пришло первым на ум:

– Ты о чём, Артём? Если я обидел тебя. Хоть самую малость. То скажи прямо. Что за намёки такие? Да и потом, сердце у тебя. Вон как схватился за грудину давеча. Я ведь заметил. Жалеть моторчик надо. А ты серчаешь на пустом месте.

– На пустом, говоришь? Заметил? И что? А это вот видал?

И Артём показал драгоценную вещь, найденную на дороге. Она блестела даже в темноте. Напарник аж присвистнул, произнес шёпотом, с придыханием:

– Мать честная... Красотень-то какая! Вот это вещь... Отродясь ничего подобного...

И рука Михалыча сама собой потянулась в сторону старинного золотого украшения. Но Артём не позволил даже прикоснуться, приласкав в своих ладонях и аккуратно затем опустив в карман, где она уже лежала, заняв своё место. Глаза молодого человека горели лихорадочным блеском. Напарнику стало не по себе. «Вон оно в чём дело, оказывается.». Он заоглядывался в растерянности, будто ища невидимую поддержку, и высмотрел всё же в недалёкой дали два огонька, какие бывают обычно от окошек. На душе чуть-чуть отлегло. Водила хотел об этом сказать Артёму, но тот как-то весь изменился, спав с лица. И Михалычу расхотелось. К тому же Каляка чудно вытянулся в струнку и быстро затараторил сам, вперив пристальный взгляд в Михалыча. Артём пожелал выговорить то, что наболело, обрастая с каждым новым днём плотью, как некий нарост внутри, и мешало чувствовать себя свободным:

– Вот продам её. И первым делом – вступлю в кооператив. Квартира это вещь. А может, и на машину даже хватит. «Москвич-412». Ручная сборка. И чёрного цвета хочу. Такой Алке нравится. Проеду прямо перед носом её с ветерком. Музон врублю. «Абба». Представляешь картину! Она рот раскроет. А я – мимо на скорости. Бж-ж. И по тормозам. Выйду с цветами к ней, как чёрт из коробочки: нате Вам и мама не горюй! Она розы алые любит. Я такие и куплю. Чтоб в красивой бумаге были. М-м-м. И вот она где у меня тогда, понял, – Артём показал сжатый кулак, как символ своей мужской силы. – Пусть стоит, ждёт и смотрит, как я от неё отъезжать буду. А к вечеру – свидание. С шампусиком. Конфетами. Ну, по полной. Нет! Лучше в ресторан! Да. И там о свадьбе ей и намекну. Так, мол, и так. Завидный жених. Чем я ей не пара? Скажи?

– Скрипачка, что ли?

– Она.

– Так за ней же москвич ухлёстывает! У него, говорят, квартира в центре столицы. И при деньгах немалых, и при связях.

– Он старше. Да она и не любит его. Сама как-то обмолвилась. Так, время проводит с ним. Абы с кем.

– Ты откуда знаешь? Он её встречает и провожает с концертов. Он. Не ты.

– Она всё равно не с ним. Ну, цветы подарит ей. Ручку поцелует. Это да. Он её только до подъезда. Она одна. Знаю.

– Следишь, что ли?

Артём закрыл рот, поняв, что проболтался. Напарник посмотрел на него с сочувствием. Молча кивнул головой и добавил с участием в голосе:

– Эх, Каляка-Маляка, и влип же ты. Влип, паря, по самое не хочу.

– Что ты в этом понимаешь? Ты.

Да. Я пожилой человек. Но знаю жизнь. Поверь мне на слово. Ты ей не нужен. Время тратишь впустую. У неё свой контингент. Покруче тебя. Даже если ты к ней на машине подрулишь... С ней же беседу поддерживать надо. О музыке и прочем. Знать как. О классике рассуждать. А ты? Разве потянешь? Эх, мать честная! Вон оно в чём дело, выходит. Алла у него в башке. Голову вскружила. И капут пришёл Каляке-Маляке. А такой славный парень был! Зачем тебе она? Скажи? Ну, найди по себе. Мало разве? Женись и живи спокойно. Вот дети пойдут, и сам поймёшь, как я прав. Помяни моё слово. Всё сразу встанет на свои места. И будет как у всех. И жизнь устроена, и жена под боком. Живи – нос свой поверху держи. Это, я скажу тебе, самое важное для мужчины и есть – устроенность. А не мысли о журавле в Небе. Знаем, сами мечтали когда-то. Да то, что было, быльём поросло!

– Не понимаешь ты, Михалыч. Я Алку люблю. Вообще, умные и красивые – не могу мимо пройти. Задевают моё сердце.

– То-то оно у тебя последнее время частить стало. Торопится куда-то сердечко твоё. Не надо так. Надорвёшься!

– Она моя будет! Вот машину куплю только...

– Да не в машине дело, паря. А ты знаешь пословицу русскую: по Сеньке и шапка, – вспыхнул, наконец, Михалыч, потеряв терпение от такого тугодумства Каляки.

– Что?!

Увидев лихорадочный блеск в глазах парня и сжатые кулачищи, Михалыч понял, что погорячился. Тот перестал контролировать себя. И стал попросту опасен. «Зачем я.» – пронеслось в голове пожилого человека. Но было уже поздно. Он получил сильнейший удар в челюсть, от которого свалился без сознания прямо на одну из могил. Артёма как-то всего передёрнуло. Он схватился за голову и застонал, как раненый зверь. До молодого водилы разом дошло, что такое он натворил. А воздух вокруг зашевелился и стал сгущаться, опускаясь облачком ему на плечи. Невольно Артём наклонился в замешательстве и надежде, что ещё обойдётся. Но напрасно. Михалыч неподвижно лежал. Рот его был полуоткрыт, и из правой половины тонкой струйкой стекала алая кровь.

– Михалыч. Михалыч. Батя! – воскликнул Артём. И зарыдал безутешно, как над покойником. Краем глаза, он заметил, как тот что-то силился ему сказать, но никак не мог. Артём осторожно приблизил своё ухо к губам пожилого водилы и всё-таки услышал:

– За что ты так со мной, сынок? Я ж тебя с детства помню. Каляка-Маляка. Ой, быть беде.

– Прости меня, батя!

И тут взгляд Артёма упал на могильный крест, что возвышался так рядом. Он прочитал на нем:

**АДАМОВА АЛЛА БОРИСОВНА
1958–1982**

– Как такое может быть? Ведь сегодня только... Год. Но нынче 77-й... Что же такое творится? Где я? О, Боже милосердный, – задрожал Артём. В ту же секунду Каляка выпрямился, желая поскорее покинуть кладбище, но не смог пройти и шагу. Место, где он стоял, как живое, притягивало. Ноги отяжелели, будто на них были подвязаны гири. Артёму ничего не оставалось иного, как наблюдать за происходящими изменениями. Сделать что-то ответное он был не в силах. Время потеряло границы и перестало играть свою привычную роль. Каляка плутал в каких-то потайных лабиринтах, становясь то малышом с неизменными карандашами в руках, а то вновь взрослым, влюблённым в скрипачку...

– Где я? – крикнул что было сил Каляка.

Но только эхо отозвалось. «На кладбище – эхо?» – пронеслось в голове. А всё вокруг продолжало меняться. Исчезало и появлялось вновь. Будто невидимый ластик стирал один рисунок, и тут же кто-то наносил другой. Одна картинка стремительно перетекала в иную, как в калейдоскопе. Вот Артём увидел странную, абсолютно белую дверь. Не раздумывая, он подошёл к ней. Притронулся к ручке и услышал, как его зовут по имени. Дальше последовала непонятная информация. Поток её длился долго. Мелькали лица и события. А затем последовало предупреждение, знак. Незнакомый голос проговорил какое-то заклинание, из которого Каляка догадался, что он может заглянуть за дверь, но...

И Артём решительно открыл её, заглянув туда, куда не полагается заглядывать простым смертным.

Тут же прямо на глазах стало происходить и вовсе невообразимое. Словно Артём находился в каком-то кошмарном сне. И никак не мог проснуться. Земля под ногами заходила ходуном, а могила внезапно провалилась. События разворачивались с такой быстротой, что Артём, едва успев отскочить в сторону, завалился на спину. Земля шевелилась и изгибалась. Она дышала и вздымалась у него под ногами. От такого ужаса, происходящего наяву, волосы на голове Каляки встали дыбом. Он разом увидел всё, что произошло когда-то с ним и затронуло сердце. Оно отозвалось в трепетном порыве, взывая к участию. Артём, не раздумывая больше, приподнял тело Михалыча и оттащил в сторону. Земля, на которой лежал мёртвый, ждала этого. Она тотчас выровнялась сама собой. Могильный холмик вместе с крестом исчезли вовсе.

– Чёрт, что же такое происходит? – прошептал Артём. И тут он услышал зловещий хохот у себя за спиной. Сердце лихорадочно застучало, пытаясь вырваться из груди, в которой ему было тесно. Молодой человек медленно, как во сне, повернул голову. За его спиной промелькнула зловещая тень. И тотчас исчезла. Вслед за этим он услышал звон бубенцов. И замер от страха. Зубы парня клацали, не попадая один на другой, а руки отчего-то похолодели. Будто бы кто-то незримый притронулся к тонкой коже, и она вмиг покрылась прыщиками.

– Откуда такое? Дьявольщина. И угораздило же меня! Надо выбираться отсюда побыстрее...

И он поспешил что было духу к машине. По пути Артём старался не оглядываться, вспоминая, что делать такое ни в коем случае нельзя. У злых духов есть особенность, которая не свойственна простым смертным. Они умеют нашёптывать на ухо странные слова и очаровывать. В голове наступает путаница, а мозг и вовсе отключается. Очарованного странника оборотни могут затаскать в своё тёмное царство теней и не выпустить уже больше никогда.

Пока Артём добирался до машины, он не мог избавиться от странного ощущения, что за ним кто-то наблюдает. Тяжёлое тело мертвеца давило на плечо со страшной силой. А сердце билось в груди с такой силой, будто готово было выпрыгнуть и покатиться само по дороге. Оно разрывало грудь.

Какое он испытал невообразимое счастье, когда ладонь коснулась заветной ручки кабины. Запрыгивая на подножку, Артём перекрестился и произнёс:

– Обязательно покрещусь! Вот только возвращусь в город... И...

В больнице, куда Каляка-Маляка добрался без происшествий, констатировали смерть от сердечного приступа его друга и напарника.

– Такое бывает. Не переживайте, молодой человек. Обширный инфаркт в пути. Большое сердце. Товарищ войну прошёл, что Вы хотите. Соболезнование.

– Что?!

– Примите соболезнование. За телом можно прийти завтра к двенадцати дня. В городской морг. А облачение принесите к восьми утра. Извините, меня ждут пациенты. Справки Вам выпишет Аллочка. В регистратуре.

– Что?!

– Да не волнуйтесь Вы так.

Доктор внимательно посмотрел на Артёма.

– Да на Вас лица нет. Вот что, пройдёмте ко мне в кабинет. Я Вас осмотрю...

– Что со мной?

– Всё в порядке. Просто нервное перенапряжение. Надо поделать укольчики. Вот эти. У себя в поликлинике, – подал он исписанный рецепт в руку Артёма. А прямо сейчас пройдите за справками к Аллочке.

* * *

Артём так и не покрестился. Дела, в которые окунулся после похорон Михалыча, засосали. Так прошло несколько месяцев. Затем Артём получил отпуск и укатил на юг. Отдыхал он с комфортом в одном из профилакториев Грузии. Любовался холмами и холодными горными реками, прозрачными, как слеза. По приезде он продал вещицу, случайно найденную на дороге. Денег отвалили за неё и впрямь много. Артём, не раздумывая, вступил в кооператив и

вскоре, приобретя просторную квартиру, о которой мечтал, удачно женился. В 79-м молодые купили «Москвич-412». Но Аллочка, та самая, из регистратуры, жена Артёма, решительно заявила, что для машины необходим гараж, а стоять в очередь – долго. Артём, не спросясь, пошёл в военкомат и написал заявление. В том же году он погиб в Афганистане, не дождавшись всего лишь трёх дней до возвращения... Так Аллочка оказалась внезапно молодой вдовой. К ней зачастили женихи, но она непременно всем отказывала. В глазах всё ещё стоял образ мужа, афганца-героя. Аллочка изредка брала из тумбочки орден и гладила рукой, вспоминая счастливые дни проведённой совместной жизни. Она твёрдо решила замуж больше не выходить.

Однажды ночью молодой вдове приснился сон, в котором пожилой мужчина звал её куда-то, говоря, что ей следует пойти с ним. Она так и поступила. Во сне мужчина показал заброшенную церковь, в которой призрачным светом горели два окошка и куда следовало зачем-то пройти. Алла послушаться не посмела. Молодая женщина не без трепета перекрестилась, переступая порог церковной обители. Случайно взгляд её упал на образ, и она невольно ступила и сделала шаг назад. В едва заметном сиянии свечи проступил лик на иконе. «О, Боже милосердный», – прошептали её губы. С образа на иконе смотрел на неё Артём...

– Кто это? – произнесла она, обратившись в сторону мужчины, что находился рядом.

– Георгий Победоносец, милая. Святой великомученик христианской церкви, – тихо выговорил он. – Кого-то напоминает?

Она лишь кивнула в ответ. Алла заметила, как на груди мужчины что-то блеснуло. И отвортила глаза. Никогда не верившая в Бога, женщина прошептала молитву, вознесясь мыслями под образа. Она испытала душевный трепет. Открыв глаза, Алла заметила, как мужчина снял со своей груди золотое украшение. Он подошёл к ней вплотную и надел ей на шею.

В холодном поту Аллочка проснулась. Она тотчас притронулась к груди. И ощутила укол.

– Боже! Откуда такая красота? – не верила Алла своим глазам. Массивная золотая вещь с вкрапленными чёрными агатами была прекрасна. В ней чувствовалась волнительная мощь. Каждая огранка говорила о безусловном мастерстве того, кто мог так удачно совместить золото и камень в одно целое.

И вдруг молодая женщина услышала голос, который не говорил, а вещал сверху:

– Носи. И ничего не бойся.

Алла испуганно вскочила с постели и побежала в ванную. Она устремилась к зеркалу. Шею по-прежнему украшало ожерелье. И тут она вспомнила. Вчера в гостях был очередной ухажёр. Он предлагал руку и сердце. А напоследок.

– Ах артист! О нём говорили, что он проделывает невероятные штучки в театре. Видимо, правда. И когда успел? – воскликнула молодая женщина, обрадовавшись невольной догадке.

Алле так понравилось украшение, что она с ним больше не расставалась. Артист же как в воду канул. Ни слуху, ни духу от него не было. Но Алле было всё равно. Сердце её не было занято никем.

В том же году Алочку-скрипачку сбила машина. Это был «Москвич-412» чёрного цвета. За рулём сидела жена Артёма, Алла. Хоронили известную скрипачку торжественно. С речью выступали музыканты и деятели культуры. Играл городской оркестр, и было море живых цветов. В основном, как она и любила, алые розы... Через три месяца состоялся суд. Аллу, вдову Артёма, признали виновной. Приговор оказался суров: 3 года колонии строго режима... Из тюрьмы Алла вышла другим человеком: она была больна туберкулёзом и душевно сломлена. Пробегав со справкой об освобождении в поисках работы, Алла вдруг поняла, что это бесполезно. С горя она впервые напилась. А затем понеслось само собой. Единственное, чего она боялась – как бы не пропало то золотое украшение, необычным образом оказавшееся у неё. Она сохранила вещицу, успев спрятать перед отсидкой в надёжном месте. То был склеп мужа. Алле временами слышались слова о том, чтобы она ничего не боялась. Теперь в алкогольном бреду ей уже чудилось, что их говорил Артём. И звал за собой... Однажды Алле на

глаза попала бутылка по бросовой цене. Где-то краем сознания она понимала, что водка, вероятнее всего, «палёная». Но мозг спивающегося человека работает по-иному. И она купила бодяру за грош. Аллу обнаружили в комнате чуть живой соседи-выпивохи. Заподозрив неладное ещё вечером, войти они решились лишь под утро. «Скорая» увезла молодую женщину в ту больницу, где не так давно она работала. В морге при осмотре и вскрытии тела констатировали смерть от отравления спиртным. На руки выдали справку тем, кто за ней пришёл. В казённой бумажке бросались в глаза две даты 1958–1982. Хоронили Аллу за счёт городских служб, поставив деревянный крест на земляной холмик. Денег на цветы не полагалось. Но кто-то из сердобольных старушек, которые всегда найдутся по такому случаю, увидев даты, смущённо покачав головой, положил два невзрачных цветочка на надгробие. Неподалёку находилась могила Артёма. Она была ухожена, а на холодном обелиске чётко проступал его портрет. Волевой подбородок, короткая стрижка и усталый взгляд. Букет живых цветов, аккуратно возложенный чьей-то заботливой рукой на могилу, дополнял картину общей беды. То было кладбище для военных.

– Как похож, словно живой, – проговорил Матвей, утирая невольно проступившую скучную слезу. – Ты ж, сынок, рисовать любил, а я тебя в самбо. Портрет на памятнике из твоего альбома взят. Прости, если что не так было, Каляка-Маляка.

Дрожащей от волнения рукой, Матвей прикоснулся к лику на надгробии.

И тут из-под обелиска что-то блеснуло.

Август 2012, г. Череповец

Маргарита Вассаби

г. Москва

Шляпка

Прыжок был потрясающий – я парила как сказочная птица, возникшая из неизвестности, перед лобовым стеклом электропоезда. Я хотела этого театрального эффекта, как штриха мозаики в калейдоскопе впечатлений, для того, чтобы наполнить свой мир мелочами, каждая из которых, рисуя единую картину, была бы яркой и незабываемой. Но где же моя голова? Ощущение не из приятных: голова отделилась от моего тела и куда-то отлетела, а вместе с ней и умение здраво мыслить, хотя в этой своей способности я сомневалась всегда. И ещё я ощущаю, как жутко мне мала эта новенькая шляпка, которую я купила два дня назад в ГУМе. Но, если бы я купила её на размер больше, она могла бы слететь с моей головы при моем великолепном прыжке, и мой тщательный подбор костюма от нижнего белья до шляпки – всё в тон, всё в гармонии, мог кардинально нарушиться. И это бы меня очень расстроило. Так как, если вдруг я потеряю своё мироощущение, а мне придётся лежать обнаженной, и я уже не смогу на себе ничего поправить, тогда вот шляпка и будет тем акцентом, по которому можно делать заключение о том, какая женщина перед вами, а при наличии шляпки даже допустимо отсутствие нижнего белья. Она одна может указать на вкус, благородство и интеллект любой незнакомки. И еще тот факт, что я ощущаю эти обволакивающие тиски моей шляпки, подтверждают интересную теорию о том, что можно ощущать часть себя и на расстоянии, будь то палец, нога или даже голова. По тоннелю промчался поезд – как интересно, от головы идет импульс: я получила его с гримасой отвращения на моем лице от смрада грязных носков, наверно, голова лежит очень близко к платформе, так как коэффициент моего рвотного рефлекса очень велик.

И, несмотря на то, что я определённо скучаю по своей пропавшей голове, я ей благодарна за то, что сейчас она от меня еще достаточно далеко: платье, в случае естественной реакции головы на гнусные запахи, останется чистым. Аромат духов Шанель Шанс, пришедший от девушки, простучавшей каблучками по платформе, щедро окутал мою голову и шляпку романтичным эфирным облаком и на некоторое время подарил иллюзию торжества благородного благоухания.

Оказывается, я здесь не одна – нога упирается в чьё-то тело. Мои руки через кружевные перчатки ощущают мужские бицепсы. Интересно, он давно здесь, только бы не заметил, что я сейчас не совсем в форме, может, ему отнюдь не симпатичны женщины без головы. Может, он спит, ведь обидно – вовсе не реагирует на моё присутствие, даже глаза не открыл хотя бы из любопытства. Я поняла, боится, наверно, что попрошу помощи, так нет же, дудки. У меня правда была к нему одна просьба, но раз он такой бука, я и сама справлюсь – я найду свою голову. И я не ошибусь, так как только моя голова ценит и умеет носить так органично дополняющую её шляпку, а потом можешь меня умолять на коленях, я не позволю тебе приблизиться ко мне даже на расстояние вытянутой руки.

Эти крысы, снующие вдоль моего тела, как они меня раздражают. Но не хотят же они меня съесть, в самом деле. Что за неразборчивое чревоугодие! Никакой эстетики. Ладно, главное, я уверена, что моя голова цела и не разбилась ни обо что твердое на этих рельсах или шпалах, иначе, наверно, я не так ощущала бы размер моей шляпки.

Если эта тварь справа – жирная крыса откусит мне палец, пропадет вся красота, которой я добивалась во всем, бегая по магазинам, подбирая свой умопомрачительный наряд. Кружевные перчатки на руках меня не спасут. Если бы я знала, то захватила бы крысиного яду в

театральной сумочке. Боже мой, кто это такой огромный – его шаги отдаются во всем моем теле. О нет, крысы не бывают таких размеров, даже любой диггер это подтвердит. Где же моя голова? С её помощью я могла бы лучше его рассмотреть. Лёгкая, приятная музыка полилась неведомо откуда.

«Вы мне нравитесь».

Неужели эта фраза относится ко мне? И кто так бесцеремонно поднимает меня? Мне было удобно, я ждала, когда найдут мою голову – вот, собственно, и все, что мне было необходимо сейчас.

Я вас правильно поняла? Вам что, нравятся такие как я, у которых отсутствует голова? Хотя нет, мне неинтересны ваши симпатии, кто бы вы ни были. Мое платье под цвет кружевных шелковых чулок может помяться, если вы будете меня таскать туда-сюда. И не дай вам бог куда-нибудь меня унести: ведь меня могут не найти, и я никогда больше не воссоединюсь с моей головой, а я решительно не хочу навсегда с ней расстаться, не ощутив себя снова прекрасной и желанной! Положите меня на место, мерзкое животное.

Музыка зазвучала с большей силой, и я уже кружусь в вальсе – меня держат чьи-то лапы, и моё тело в неприкрытых местах соприкасается с шерстью. О, если бы только моя голова была на месте, её возмущению и отвращению не было бы предела. Кто это меня щиплет за бока и ягодицы и шипит, как змея: «Он тебе оказывает великую честь. Тебя ведет в танце крысиный король». А, вы ревнуете крысиные невесты, сегодня правлю балом я, потому что я необыкновенная – я без головы, и это положительно сейчас отличает меня от многих, и от вас в том числе: полное отсутствие разумных мыслей для подавления инстинктов и рефлексов, ха,

в этом даже что-то есть. Я смогу вжиться в образ королевы крыс. И почему это не случилось со мной раньше? Эй, поосторожнее, мне больно падать – всё здесь такое грубое и твёрдое.

Куда же вы? Даже такую добычу, как я, бросили, эх вы, а еще король называется, хоть и крысиный. Я уж возомнила, что здесь, в этой сырости и мраке, могут жить настоящие рыцари, познавшие лишения и закалившиеся в них, которые не бросают своих дам, посередине танца на произвол судьбы. Все как всегда и везде!

«Вот оно»!

Это они о ком? Я же не «оно». Я – она.

«Вот оно – тело»!

Фу, я даже испугалась. Превратиться в «оно» в такой ответственный момент моей жизни – это уж слишком.

Люди приближаются, если бы не моя голова в их руках, я бы убежала с крысиным королем, хотя нет, он же оказался трусом, и к тому же я была ему нужна только без головы. Извращенец. Если бы не этот вопиющий факт, то здесь вполне можно было бы жить. Но ведь они не захотят меня знать, если моя голова будет при мне, я им нужна без неё, а я не могу без головы и шляпки на ней. Ах как все прозаично, даже здесь я не получила праздника, а идея была очень недурна, ведь хочется не абы как, а чтобы всё было красиво.

Алексей Весин

г. Калининград

Бриллианты

Время подходило ближе к вечеру. Ещё было светло, но размытый в белёсой дымке диск солнца уже стал холодной светящейся рекламой проваливаться за горизонт. И начинало подступать ощущение того, что где-то рядом на землю ложатся первые тени: незаметные, смешанные с дневным светом, невидимые предвестники пока что далёкой наступающей ночи. Студёный день. По окаменевшей земле, асфальту крутилась слабая позёмка, потому что метель стихла к полудню. И сейчас, разгоняя пыль прошлого снегопада, который своим скудным снегом показал только обозначение зимы, уходящие силы того ветра всё же из-за мороза колюче хлестали по щекам и глазам.

Идти холодно, и продавщица местного продовольственного ларька, дородная женщина, в застёгнутой на все замки тёплой фиолетовой куртке и вязаной шапке, осторожно, чтоб не наступить на ледяную корку, нагнув голову, брела в сторону возвышающегося крупного универсама. От такой голой и неуютной улицы ей вспомнилось лето с его раскалённым солнцем, теплом и зелёными деревьями; где-то там должны быть живые радостные голоса и счастливый смех. Она почувствовала это всем своим телом, сознанием и заулыбалась от такого приятного мгновения.

– Женщина. Женщина! Можно Вас на минутку!

– Что?!

Проходящая подняла глаза и увидела перед собой худого мужчину, выше среднего роста, в обтрёпанной старой одежде. До универсама оставалось пройти метров пятьдесят. Его цепкие, серые, как льдинки, холодные глаза смотрели остро, словно иголки.

– Что, что Вы хотите? – заволновалась женщина.

– Купите бриллианты.

– Какие бриллианты?! Что Вы ерунду говорите.

– Все не ерунда, – он раскрыл ладонь и на ней несколько прозрачных камешков засияли, заискрились разными цветными огоньками.

– Стекло какое-нибудь... – недоверчиво произнесла она, глядя уже замороженными глазами. – Подделки разные бывают.

– Обижаете. Самые настоящие бриллианты. От бабушки остались. Сами знаете – время какое: то вверх, то вниз.

– И сколько стоят?

Тогда мужчина, приблизившись к её уху, тихо что-то сказал.

– Что-то дороговато.

– Я Вам не колбасу предлагаю, а драгоценные камни. Пойдите в магазине купите.

Женщина достала из куртки деньги и, отсчитав несколько купюр, передала их мужчине.

А взамен взяла камни, крепко сжав ладонь.

– Ну я пойду, – сделав шаг назад, развернулась она.

– Идите, идите. А я тоже, по делам, – негромко проговорил вслед незнакомец.

Женщина торопливо пошла обратно, в сторону своего дома, иногда поскользываясь на ходу и сбиваясь с ритма привычного шага. А подойдя уже почти к самому подъезду, остановилась и вновь подумала: «Что если бриллианты и в самом деле поддельные? Ювелир знакомый у меня есть». К нему сразу же и заторопилась.

Она нажала кнопку звонка и осталась ждать возле металлической двери с глазком. Хозяин открывать не спешил. Наконец, послышались шаги и щёлкнул замок. Ювелир, плотный мужчина, с большой круглой бритой головой и с усами да бородкой. Посмотрел на гостью и спросил, что случилось. Услышав про дело и камни, предложил зайти в коридор.

– Купила у одного мужика на улице. Говорит, настоящие. Ты же ювелир: посмотри, проверь, – затараторила женщина взволнованным голосом.

– Где ты видела, чтоб бриллианты продавали на улице.

– Да ты посмотри, горят как! – и она ссыпала пару штук ему на руку.

А камни засверкали, заиграли то одной гранью, то другой, чудо-огоньки разлетелись, брызнули, рассыпались.

– Видишь, красота-то какая, – поднесла ближе к его руке своё лицо женщина.

Только произнесла, как драгоценности вспыхнули ярким пламенем да погасли, а после от них остались лежать лишь чёрные угольки. Женщина охнула, полезла в карман, достала камешки, разжала дрожащую руку – и вместо других камней увидела ничего не стоящие чёрные кусочки.

– Да что ж это такое! Один обман. Никому верить нельзя.

– С чёртом ты встретишься, – то ли в шутку, то ли всерьёз заключил обескураженный ювелир.

– Пойду обратно, может, найду его. Я ему покажу его товар. Тоже – химик нашёлся! До свидания!

Она решительным махом открыла дверь и грудью вперёд вышла на лестницу. Ювелир грустно посмотрел вслед, покачал головой и закрыл за ней.

Суть да дело, а уже наступил вечер. На тёмном небе, в разрывах беспросветных облаков озорно мигали звезды. Незадачливая покупательница бриллиантов шла по зимней улице и думала о том, что за столько лет один раз в жизни случится такое счастье, да и то окажется ненастоящим, а каким-то призрачным, поддельным. Вот они, были драгоценности и уже их нет, а ведь есть люди, которым постоянно везёт, уж бриллианты так бриллианты, а не то что у неё. И тут несчастной женщине снова захотелось глянуть на свой несостоявшийся успех. Да и почувдилось ей, что что-то шевельнулось в кармане, где лежали угольки. Вытащила их из кармана, разжала руку, а они как начали подпрыгивать на ладони в разные стороны! И рассыпались по снегу! Один уголёк скакнул – глядь, а уже вместо него ворон стоит, огромный такой, чёрный. И как каркнет на всю улицу! У женщины аж сердечко ёкнуло. А тут ещё одно: как-то зашипело, треснуло что-то большое, разверзнулось пред ней, смотрит, а на обочине стоит широкий, чёрный, с кабиной без крыши автомобиль. Не успела она его толком рассмотреть, раздался свист, шлепок, и на место водителя за рулём уселся худощавый мужчина в пальто, шлеме с очками, перчатках, всё чёрное. Его глаза светились, словно наполненные огнём. Он потрогал рычаг переключения скоростей, наклонился в сторону, как складной метр, протянул руку и открыл противоположную дверцу автомобиля. «Садись, дорогуша. Прокачу по городу. Увидишь истинный бриллиант рук человеческих. Усаживайся, не бойся. Здесь обмана не будет...»

Женщина, конечно же, сначала и думать не хотела, чтоб уехать непонятно с кем. Но невольно сама сделала шаг, а тот ловкий такой, как-то подхватил под локоть несуразно длинной рукой, и она оказалась на сидении рядом с ним. Водитель захлопнул дверь с её стороны, выпрямился, гордо посмотрел на притихшую пассажирку и включил двигатель. Под капотом заурчало спокойно и ровно. Мужчина несколько раз, сильнее, нажал на газ, проверяя его надёжность и послушность, надавил клаксон – резиновую грушу, сигнал движения разорвал притихший воздух, а затем тихонько тронулся с места. А ворон на заднем сидении пристроился с видом большого солидного начальника. Сидит, перья на шее распушил, глазами зыркает да клювом прищёлкивает.

Автомобиль мчался всё быстрее, быстрее, лакированная поверхность кузова поблескивала от света придорожных фонарей, деревья мелькали одно за другим, как рамки кинокадров, дома, проплывавшие сначала чинно, а затем всё торопливей, суетливо исчезали позади, холодный ветер обжигал лицо.

– Стойте! – за их спинами кто-то заорал резким пронзительным голосом. – Так разве приличные люди делают! Бросить меня одну на пустой, холодной, заледенелой улице, а самим умчаться вдаль смотреть бриллианты! Непостижимо чёрствое, жестокое, безнравственное равнодушие!

На сиденье рядом с вороном откуда-то сверху плюхнулась большая чёрная крыса. На свою голову она прицепила жёлто-бежевую, в дырочках, дамскую шляпку с вуалью, но та была короткая, и маленькие маслянистые глазки прикрыть никак не могла, поэтому висела просто так, для красоты. Представилась: «Меня зовут Турду». И короткие толстые ножки закинула одну на другую, а верхней лапкой обняла ворона, сбоку торчал розовый, с редкими волосами хвост. По всей видимости, дама находилась в лёгком подпитии. Её передние зубы торчали вызывающе и презрительно.

Ворон приподнял плечи и опустил клюв. Машина перестала набирать скорость. А крыса, помахивая другой лапкой, не совсем внятно выговаривая слова и придерживаясь несколько распушенной манеры разговора, решила обратиться к водителю.

– Дикий Арнольд, ты очень непочтительно относишься к сударыням, бесья шерсть. Кто клялся мне в любви и обещал катать по всем изведанным и неизведанным дорогам. Только отлучилась, и ты уже всё, сидишь в своей повозке с другой бабой! Милочка, он бес, чёрт, всё время врёт, своё возьмёт и исчезнет, от него тебе только неприятности.

– Что ты болтаешь, глупая крыса! Я везу почтительную гражданку увидеть родной ночной город с внешней стороны. В ином ракурсе!

– Ты, главное, с ракурсами не переборщи, а то мы запутаемся, – рассмеялась мелким кашлем жительница ниже нижних этажей.

– В тебе всегда было мало культуры, Турду, – рассерженно ответил Дикий Арнольд и прибавил скорость.

– Скажи ты мне, какой культуролог выискался. Он один раз с высоты ста метров врезался в деревянный сарай с курами – ракурс перепутал. Хозяева выходят утром, а от курятника одни щепки. Следов никаких нет. Решили, что НЛО, на том и сошлись.

Машина мчалась с бешеной скоростью. На какое-то мгновение женщине стало страшно. Она поняла, в какую попала компанию, а выйти уже не представлялось возможности. Хотелось закричать и устроить скандал. Но на такой скорости было небезопасно. Пассажирка сжалась и руками вцепилась в сиденье.

– При чём здесь это! Я говорю о культуре поведения, образе жизни.

– И это тоже. А культура у меня такая же, как и у тебя: одним воздухом дышим, в одной машине едем. Эстет, – и она, задрав кверху мордочку, покачала ножкой.

На протяжении всего разговора ворон сидел молча и неподвижно, как скульптура, но после замечания Турды он резко встрепенулся, так что её лапка слетела с его плеч, и громко, с силой, каркнул. Звук разлетелся по всем окрестностям. И в это время, что-то подтолкнуло автомобиль, какая-то неведомая сила, всякий шум стих, пропал встречный ветер, и женщина увидела, как они беззвучно и плавно, словно в невесомости, стали подниматься над дорогой. Асфальт провалился под колёса и уходил всё ниже и ниже, вот с верхушками деревьев сравнялись, раскоряченные ветки которых застыли в морозном воздухе. А дальше и выше крыш их холмистое поле ложилось под ними новой неизведанной, необитаемой страной. И они, как на воздушном шаре, отдавшись стихии, летели неспешно и торжественно.

А у женщины сменилось настроение. Ещё оставался страх, но теперь от высоты, и к нему уже прибавились одновременно восторг и восхищение. Внизу по улицам ходили маленькие

человечки, и двигались, как игрушечные, с горящими фарами миниатюрные машинки. Окна домов светились разным светом. Некоторые смотрели на неё открытыми стёклами, незашторенные. И на верхних этажах можно было различить, что там делается: в одном – семья смотрела телевизор, в другом, на кухне, какая-то мамаша в фартуке что-то готовила, а в ещё другом, слегка притемнённом, с цветомузыкой, какой-то щегол вился около девицы, в раскрытом окне сидел мужчина, подперев голову кулаком, смотрел на их машину. Женщина осмелела и помахала ему рукой, а он даже позы не изменил, только кивнул.

«Можно подумать – перед ним каждый день автомобили летают», – вспыхнула женщина от такого невнимания, но они начали подниматься выше. Горизонт уходил в темноту. Дома исчезли, слились в кварталы, улицы, площади. Её глазам предстал целый город. И он не казался игрушечным, кукольным, рисованным. Чувствовалось, что живёт, дышит: где кто-то танцует, ест, смотрит кино, гремит станок, гудит, подходит к вокзалу поезд, и жизнь с заходом солнца не прекратилась, а идёт своим чередом. Пройдёт время и настанет утро. А сейчас всё это раскинувшееся творение рук человеческих светится, переливается сотнями тысяч огней драгоценнейших бриллиантов. Они сливались в линии, в различные формы пятен, двигались ручейками, блестели маленькими группками и поодиночке, беленькие и голубенькие, красненькие, мерцали, гасли, но загорались в другом месте, и вся пышущая световым потоком масса сигнализировала – живы мы!

Дикий Арнольд подогнал машину почти к самому подъезду. Открыл дверцу и помог женщине выйти, поддерживая за локоть. Её слегка пошатывало от необыкновенной езды. Подвёл к дверям. Ворон каркнул вслед, сверкая глазом, а крыса взвизгнула: «Не забывай, милочка!»

Дикий Арнольд передал пакет ей в руку, и сказал, что это стандартный набор среднего россиянина, без обмана, настоящее и натуральное, поздравил с наступающим Новым годом. А перед тем, как сесть в свой автомобиль, повернул голову и крикнул: «Не путай ангела с чёртом, неприятности будут!» Затем чёрный лакированный автомобиль тронулся и растворился, исчез в свете ночных фонарей улицы.

Как будто его и не было.

Женщина посмотрела вслед на пустую дорогу и раскрыла пакет. Там лежали суши, пицца, красная икра, сливочное масло, багет, коньяк, свежекопчёная коньячная колбаса, сервелат, коробка конфет и ещё что-то.

«А ведь и правда, – подумала она, – скоро Новый год».

Тем временем ювелир оставшиеся у него угольки положил на рабочий стол, в сторонку, а сам принялся за дело. Включил компрессор, открыл горелку, поджёг газовую смесь. Жёлто-

синее пламя с шипением, факелом, начало вырваться к огнеупорной плите. Мастер подрегулировал его до состояния иглы и стал паять кольцо. Он видел, как металл постепенно нагревался к малиновому, красному цвету. Вместе с ним припой же приобретал более яркий оттенок, менял форму, плавился и растекался, заливая шов состыкованных деталей. Остудив кольцо в воде, ювелир положил изделие в раствор кислоты, для удаления нагара и окислов. Людей издревле притягивала работа с металлами. Они видели некое магическое действие в преобразовании металла: как меняет цвет, становится мягким, податливым, переходит в жидкое состояние, и хочется смотреть бесконечно долго, как течёт он, если бы не его жар и яркость, доводящие глаза до боли. Их всегда приводило в восторг то, что из твёрдого, неподатливого куска можно сделать деталь или придать ту форму, которую хочет мастер. Именно этот вид деятельности дал человечеству великий шаг в развитии и совершенствовании себя как разумной, интеллектуальной цивилизации. Так и принёс много горя, которое и сейчас шагает по нашей планете, закапывая очередные жертвы. Но сам мастер от воинствующего металла давно был далёк и делал из него вещи, которые украшают повседневную и праздничную жизнь. Он достал из кислоты кольцо, промыл его в воде, осмотрел и остался доволен. Ещё нужно подчистить, отполировать, поставить камень.

Через некоторое время ювелир положил на стол готовое изделие. На улицу, за окном, пришли серо-синие сумерки. Скоро должна подойти жена с работы, детишки из музыкальной школы да из спортзала. Внутренне раскрепощённый, довольный сделанной работой, мастер, напевая мелодию про миллион алых роз, прошёлся на кухню, ещё раз посмотрел в окно – совсем стемнело. Хотел включить телевизор, как услышал в комнате какой-то непонятный звук. Это хозяина удивило, потому что он находился один в квартире. И сразу решил пройти посмотреть, что там могло произойти. Сначала он даже немного испугался: на его месте, на стуле, за столом сидела шикарная длинноволосая шатенка и покачивала из разреза красно-чёрного атласного платья аккуратной ножкой в золотистой туфельке.

– Как Вы сюда попали? – оправившись от вида неожиданной гостьи, строго спросил мастер.

– Как куда-то попадают люди. Иной раз мы и сами не ведаем. А я пришла по делу. Стучалась, стучалась, а дверь открыта, ну и вошла.

Хозяин вспомнил, что квартиру закрывал. Поглядывая на неё, пошёл проверить: дверь оказалась закрытой, но не на замок.

«Надо её как-то выпроводить обратно», – решил он.

Девушка сидела на прежнем месте и разглядывала что-то в своих руках.

– Я предлагаю совершить хорошую сделку. У меня есть, видишь, – и она сделала широкий жест в его сторону, – прекрасное кольцо с бриллиантом. Предлагаю его поменять на несколько ювелирных изделий твоей работы. У меня же с бриллиантом, с крупным, чистой воды. А у тебя с янтарём, он подешевле.

И тут мастер обратил внимания, что на столе не было кольца, которое он только что сделал.

– А где кольцо, которое лежало на столе?!

– А я его взяла. Обмен уже начался. Ты ещё должен что-нибудь дать. Хочешь вина выпить?

Хозяин решил вернуть своё кольцо во что бы то ни стало. И он начал настойчиво требовать, чтоб девушка вернула чужую вещь.

– А тебя что, бриллианты не устраивают?! Дай мне ещё что-нибудь! У тебя бриллиант, и мы расходимся.

Мастер сказал, что вызовет полицию. С угрозой достал телефон и начал набирать номер. В это время хлопнула входная дверь, в квартиру кто-то вошёл. Девушка вскочила, взвизгнула: «Да забирай ты своё...» – и швырнула кольцо на стол. Её красота исчезла, в лице уже не было

того одухотворённого порыва, молодости и радости человеческой. Стояла раздосадованная, озлобленная фурия, которая не знала, куда деться. Кинулась сначала на мастера, оттолкнула его. С лица у неё потекла кожа, полезли волосы, платье начало рваться клочьями. Она кинулась, вылетела в коридор, чёрно-коричневым шлейфом оставляя за собой зловоние. Хозяин услышал, что в коридоре кто-то упал. Ринулся в коридор и увидел свою жену. Женщина, ничего не понимая, поднималась на ноги: «Да что это такое! Кто так носится?!» Муж помог ей подняться, и сказал, что всё страшное уже позади. Он ей рассказал про фальшивые бриллианты, про мошенниц, существующую ещё преступность. Своё кольцо нашёл на полу. Жена прибрала в комнате, а потом вместе с детьми попили чаю. Позвонили роковой продавщице местного продовольственного ларька и справились о том, как себя чувствует. Она ответила, что, слава Богу, хорошо.

Знаете, как в жизни бывает: всё сверкает, блестит разными гранями, а потом оказывается тухлой. А хочется всем чего-то хорошего, доброго, счастья, чтоб благие помыслы и желания исполнялись и была бы на нашей памяти жизнь радостной и достойной.

29 ноября 2011 г.

Татьяна Витакова

г. Смоленск

Заколдованный лес

Сова проснулась, услышав хруст веток рядом с деревом, в уютном дупле которого она сладко спала. По телу прошла волна напряжения. «К нам пожаловал человек», – поняла сова. Голова птицы, выглядывающая из дупла, сливалась оперением с рыжевато-коричневой корой старой смолистой сосны. Одним глазом хозяйка леса досматривала сон, другим внимательно следила за движениями девочки, бродившей по лесу.

Оленька искала глазами среди опавшей листвы причудливой формы сухие веточки, корешки. Девочке хотелось найти такие же красивые, какие она видела у подруги на книжной полке. На день рождения, когда Ольге исполнилось тринадцать, Аня подарила ей фигурку, похожую на оленя, пьющего воду из ручья.

Оля складывала в рюкзачок найденные замысловатой формы корешки. Но таких интересных, как у подруги, ей не встречалось.

Внимание девочки привлекло огромное полутораметровое корневище пня, заваленного на бок. Завитки корней могли стать хорошим материалом для коллекции. Оленька, словно замороженная, рассматривала чудесный узор узловатых переплетений корневой системы. Удивительный мир раскрылся её взору. Изогнутые разветвления корня напоминали диковинных животных в разнообразных позах. Вот пантера, готовящаяся к прыжку, а рядом леший, склонивший голову набок и грозящий пальцем своенравной кошке. А может быть, лесной страж грозил Ольге, желающей проникнуть в тайны неведомого ей мира?

Могучий корень околдовал девочку. Она восхищалась величавым исполином, поведавшим ей чудесные истории его сказочного царства.

Но каково же было огорчение Оленьки, когда ей не удалось отломать ни один из отростков, чтобы забрать их с собой и превратить свой дом в сказку. Многовековой корень был тверд, как камень.

Поскольку пень лежал на боку, часть корня, лежащая на земле, не просматривалась, скрывая от девочки других героев лесной сказки. И она решила попробовать его развернуть. Ольга подперла корневище всем телом и изо всех сил попыталась приподнять. Оно немного качнулось. Любопытство было столь велико, что силы девичьи удвоились. Ольга стала раскачивать упрямый пень, который упирался в землю торчащими во все стороны корнями, словно растопыренными пальцами. Однако раскачать так, чтобы перевернуть его никак не удавалось.

И вдруг в момент толчка нога девочки соскользнула по земле под корень, в самую глубину. Он навалился на Ольгу, захватив ступню в надежный плен. Стоя на одной ноге девочка лишь несколько мгновений могла удерживать гигантскую корневую махину, не давая ей окончательно опуститься и сломать плотно придавленную к земле ногу. Она понимала, что сейчас случится непоправимое. Время будто остановилось...

Сова выбралась из дупла и, сидя на ветке, внимательно наблюдала за происходящим. «Глупое человеческое дитя, – думала она. – Лес подарил тебе целый рюкзачок красивых корешков, а тебе всё мало». Но сердце хозяйки леса было доброе, и ей стало жаль девочку. Однако она понимала, что помогать нужно только особенным людям. Если даешь им свою силу, то ваши души будут связаны навсегда. И сова, повернув голову набок, пристально всмотрелась в человека цепким, немигающим глазом цвета заходящего солнца.

Корень прижимал ногу всё сильнее, и Ольга почувствовала острую боль. Воображение рисовало перед глазами картину того, что сейчас произойдет.

Внезапно огромный корень плавно начал подниматься в воздух. Оторвавшись от земли на полметра, он завис, но лишь на мгновение. Едва изумленная Ольга вскочила на ноги, пень глухо упал, всадив рогатое корневище в земную твердь. Лес, зашелестев золотой листвой, издал глубокий вздох.

Девочка бежала по лесной тропе, не оборачиваясь. Ей было невыносимо стыдно, что она возомнила себя хозяйкой леса. Неспроста леший с корневища грозил ей крючковатым пальцем.

Сова взмыла в небо над своими владениями, щедро украшенными царицей-осенью в золотые и пурпурные наряды. Расправив крылья, владычица лесного царства летела бесшумно вслед за хрупкой фигуркой бегущей девочки.

– Мы с тобой едины, Оленька.

Серафим

Наступила весна, в продаже появились зеленые огурчики, точнее, большие, длинные такие огурцы. Где они произрастали, на какой сказочной земле, такие здоровенные – Валентина понятия не имела.

– Ну что, Муромец, рубанем огурец? Я с самогоном, ты с картофаном, – хохотнув, Валентина спросила у маленького сына, которого она забрала из садика.

– Рубанем, мамуль, – Илья засмеялся.

Она заглянула в кошелек, денег должно было хватить на один огурец. Времена были голодные – в магазинах на прилавках было пусто. Морская капуста в консервных банках царствовала единовластно.

Во дворе дома Валя увидела копошащегося в мусорном баке нищего.

– А, бомжара-лошара уже на посту! – она частенько видела его из окна. Длинные, распущенные седые волосы, перехваченные тесьмой, – его образ казался Валентине странным. Старик словно вышел из глубины веков.

Он обернулся, и Валя увидела его глаза – добрые, лучистые, цвета неба. В них было столько света! Она никогда не видела таких глаз.

Как загипнотизированная, Валентина подошла к старику и протянула ему огурец. В глазах его, с легким прищуром, светилась улыбка. Не отводя взгляда, старик молча взял огурец. Женщина смутилась. Подхватив за руку сына, она быстрыми шагами направилась к подъезду. Глаза её сияли, в них нашел отражение огонь души этого необыкновенного человека. «Господи, что со мной? Что это было? На кого-то он похож... На старца с бабкиной иконы! – Валентину осенило. – Как его? Серафим! Точно! Серафим Саровский!»

Едва перешагнув порог квартиры, Валя бегом бросилась к окну, чтобы еще раз взглянуть на старика. Но около мусорных баков никого не было.

– Илюша, ты прости, что я отдала огурчик нищему.

– Какому нищему?

– Ну, сейчас во дворе мы встретили старика, он копался в мусорных баках. Мне стало жаль его, и я отдала ему огурец. Хотела приготовить тебе салатик, сынок. Прости меня, дуру бестолковую!

– Мамочка, около мусорных баков никого не было! А твой огурец лежит на кухонном столе.

С этого дня Валентина бросила пить. Она пошла в храм и, поставив свечку, долго всматривалась в лик святого. Слезы катились по щекам.

Вернувшись домой, Валя нашла икону Серафима и повесила её над кроватью сына. Больше она не видела старика с длинными седыми волосами, перехваченными тесьмой, но свет его удивительных глаз с легким прищуром остался навсегда в её сердце.

Смертельный танец

Ритуал танца смерти был непостижим для понимания. Заканчивалось это священное действие жертвоприношением – танцорам отрубали ноги. Это был их последний танец, последний вдох – самый глубокий, последний крик – самый пронзительный, последняя улыбка – самая ослепительная. Глаза танцующих сияли диким счастьем.

Рукба¹ долго ждал этого священного момента. Слезы застилали глаза. Он с восхищением смотрел на каменную статую богини танцев шестиногую Вильбади. Отдавая ей свою жизнь, посвященную познанию магической силы танца, он верил, что после смерти сольется душой и телом с божественной сутью прекрасной и великой Вильбади.

Бой барабанов завораживал ритмом и вводил в транс. Казалось, вибрирует в танце воздух. Метался в дикой пляске огонь в медных жаровнях. Танцующие языки пламени отбрасывали на древние стены храма танцующие тени, оживляя изображения богов на старинных фресках.

* * *

У священных ног богини стояла каменная чаша, наполненная букетом из отрубленных ног. По резному камню алтаря к ногам богини стекали струйки дымящейся крови.

Над храмом танцующего божества рисовала круги воронья стая. Вильбади улыбалась. В сиянии её обсидиановых глаз отражалось великолепие падающих звезд. Бездонный космический колодец распахнул объятия. Вслед за своими собратьями уносила стрелой в непознанное душа Рукбы.

¹ Рукба – нога, колено (араб.), звезда в созвездии Стрельца.

Забери меня с собой

– Бабушка, проснись! Бабушка! – шестилетняя девочка каждые полчаса подходила к кровати Прасковьи, но старушка не просыпалась.

Она лежала неподвижно, и лишь пульсирующая голубая жилка на мраморной коже виска говорила о том, что Прасковья жива. Она спала уже более суток. Её невозможно было разбудить.

Танюшка погладила бабушку по голове и стала заплетать в косу её непослушные волосы цвета воронова крыла, в которых не было ни одного седого волоса, хотя Прасковье исполнилось уже семьдесят два года.

Последние месяцы боли в теле усилились, и душа Прасковьи проводила большую часть времени в мире снов. Она с неохотой возвращалась в больное, в пролежнях, тело. Вот и сейчас унеслась в далекую, беззаботную юность Прасковьи.

– Не бойся его, Панюшка, он смирный, – дед ласково трепал по загривку огромного медведя, который выглядел вполне миролюбиво.

Паня во все глаза смотрела на дикого зверя, который пришел с дедом из леса и ходил за ним повсюду как ручной.

– Ну-кась, давай, дивчина, почеси косолапому спинку! – дед бороздил пятерней по спине довольного медведя. Хозяин тайги от удовольствия задрал голову к небу и смешно ею покачивал.

Дед был деревенским знахарем. Прасковья навсегда запомнила его слова, когда он подошел к ней перед своей смертью и сказал:

– Внуча, Панюшка моя родная, я ухожу, не ищите меня.

И он ушел в тайгу, и больше никто его не видел...

* * *

– Дедушка, ты заберешь меня с собой в свой волшебный лес? – глаза Панюшки наполнились слезами.

– А ну куда ж ты собралась, моя милая, в таких лохмотьях? Пообносились ты вся... А ну закрой глаза и не подглядывай, а мы с мишкой покумекаем, в какой наряд тебя одеть, – дед хитро улыбнулся, хлопнул лесного брата по мохнатому плечу, а затем хлопнул в ладоши.

Паня быстро зажмурила глаза, а сама задумалась, почему ж деда говорит, что платье на ней рваное? Через мгновение, она уже думать забыла, в чем одета, тело до краев наполнилось невыносимой болью. Прасковья застонала. Перед её взором пронеслись страшные годы революции, раскулачивания, ссылка семьи на Крайний Север, где жили в палатках по восемьдесят человек, и там в суровые морозы её двойняшки Мишенька и Людочка простудились и умерли. Годы войны и исхудавшее лицо мужа, вернувшегося из лагеря в Магадане.

Боль нарастала. Стон Прасковьи перешел в крик, и вместе с криком из тела вырвалась боль, унося за собой страшные воспоминания.

Дед хлопнул в ладоши, Панюшка вздрогнула и, открыв глаза, увидела себя в белоснежном платье, расшитом по краю золотой нитью.

– Ой, деда.

Девочка развела руки в стороны и закружилась – закружился белым колоколом волшебный сарафан.

– Ну что, Топтыгин, открывай для Панюшки ворота в сказочный мир!

Хозяин тайги послушно поднялся и неуклюжей косолапой походкой неторопливо направился к лесу. Дед взял девочку за руку, и они пошли по волшебной тропе вслед за медведем.

* * *

– Танечка, доченька, проснись! – Нина держала на коленях спящую семилетнюю дочь, та плакала во сне, и ей никак не удавалось её разбудить.

– Ну вот опять, уже которую ночь это происходит! Всеволод, ну ты же врач-психиатр, ну ты же должен знать, что делать? Почему она не просыпается?

– Так бывает, Нина, с возрастом это пройдет. Таня очень впечатлительная девочка. На её глазах умирала твоя мать.

Внезапно плач прекратился, девочка глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Таня, тебе плохой сон приснился?

– Мне снился медведь...

Лошадь ведьмы

Призрак белой лошади выродила ночь в предрассветный туман проселочной дороги. Из ниоткуда в никуда пролегал путь её скитаний. Белому призраку не нужен был ни корм, ни вода, сама смерть была не властна над ним. Исходила от белой лошади какая-то магическая сила.

Бывало ночью у костра охотники подолгу вспоминали жуткую историю белого призрака. Рассказывали, будто хозяйкой лошади была ведьма. Стоял её дом на самой окраине деревни, окутанный столетними кедрами. Уводила она мужиков со всех окрестных деревень, сводила с ума. Забывали они своё имя и свои семьи. В отчаянье убили деревенские бабы ту ведьму со спины топором, потому как невозможно было в глаза ей смотреть, сковывала она тело и мысли своим ведьминским взглядом. А дом ведьминский спалили. И видели в том адском пламени, как мелькали в огненной пляске лики пропавших мужей.

* * *

Воздух дрожал от утренней влаги, белый призрак двигался навстречу мне. Лошадь прошла мимо меня. Обернувшись, я увидела уносящуюся вдаль верхом на белой лошади прекрасную волшебницу в белом плаще с белокурыми волосами, её серебристый смех эхом пронёсся над кронами столетних кедров. Спустя мгновение видение исчезло.

Лошадь замедлила шаг и остановилась, развернулась и направилась ко мне. Она подошла и уткнулась теплыми мягкими губами в мои ладони. Взгляд её печальных глаз пронизывал глубиной. Вдруг из её зрачка отделился луч света и проник в мои глаза, ослепив на мгновение. Молнией прошел по всему телу, серебристым смехом колдуньи зазвучал в каждом уголке сознания, воскрешая в памяти картины далекого прошлого.

Утренний туман рассеялся, и первый луч солнца прорвался из-за горизонта. Пронзив огненной стрелой белого призрака, он навсегда растворил его в своем радужном сиянии.

Колдун

– Дунька-то моя на сенокосе на пару со смертью с косой в руках стоит, – дед нахмурился и, взяв в руки посох, вышел из избы.

– Дуняша, колдун идет! – Параскева окликнула сестру, крепостные девки бросили косить траву и, словно два каменных изваяния, застыли неподвижно, немигающим взглядом встречая барина.

– Ну что, девоньки, умаялись поди? Бросайте косы, отдохнем маненько, – приветливо улыбнулся Степан. Приветливо улыбался искусно вырезанный на макушке посоха колдуна образ старца.

От колдовского взгляда знахаря не укрылось, что у Дуни начиналась лихорадка. «Лечить тебя надобно, девонька, безотлагательно», – подумал дед.

– Ну что застыли как куклы? Зовите Николу да Федота, – Степан рассмеялся, тряхнув кудрями.

Копна рыжих волос колдуна огнем горела под палящим июльским солнцем, несмотря на возраст, не стора в пепел седины. Крепостные с удовольствием побросали работу, они любили барина и его колдовские представления.

– Чем бы вас сегодня потешить, други мои? – хитро улыбнулся дед, прищутив один глаз. – Может, стужу зимнюю наслат? Никола-то наш от жары вон спекся весь.

– Я бы тоже не отказался в сугроб нырнуть, – одобрительно закивал Федот.

– Мороз – это да, морозец узорнявый – это любо! – Никола расправил плечи и потряс здоровенными кулачищами.

– Дуняша, а у тебя-то нос какой красный! Солнечный зайчик, поди, укусил, али поцеловал крепко? – озорно подмигнул Степан девке. – Да, лето выдалось жаркое, а может, зимушку призовем, а Дуняша? Тебя в меха соболиные укутаем, яко барыню?

– Помилуйте, батюшка родненький, не надо в меха кутать! – Дуня испуганно замахала руками. – Меня бы водицей студенной охладить, тело горит, мочи нет терпеть!

– Ну так в пруду, милая, сбегай, окунись, – посоветовал Степан.

– Да в пруду-то вода как парное молоко!

– Да неужто, девонька? А я видел – корочкой льда вода в пруду покрылась, а кувшинки, словно розы колючие – все в иголочках инея, – возразил дед, загадочно улыбаясь.

– Да не может того быть, это какой такой лед-иней в июле месяце? – Параскева, выдавшая всякие чудеса, развела руками.

Вот пойдем и посмотрим на лед-иней, Параскевушка моя, дева сомнений. А Дуняша у нас в прорубь нырять будет, – колдун подмигнул крепостной девке и, взмахнув посохом, повел всех к пруду.

Дуняша, приподняв руками подол сарафана, первая подбежала к кромке воды. Опустившись на корточки, она коснулась пальцами покрытой льдом водяной глади пруда.

– Матушка Богородица Святая! А и впрямь лед! Панюшка, глянь, а лилии-то будто из мрамора какой мастер изваял!

– Да разве ж такое возможно? – заохала дева сомнений.

– Раскудрить твою через коромысло! – только и смог сказать Федот и, несмотря на сорокаградусную жару, поежился.

– А боярские-то соболя сейчас были бы в самый раз! – по телу Николы побежали мурашки.

– Ну что, Дуняша, красна девица, а сорви-ка мне вон ту лилию, – колдун провел черту волшебным посохом по льду, и образовалась водная дорожка до диковинного цветка из мрамора.

– Батюшка, боязно что-то, – девушка никак не решалась войти в воду.

– Давай, детонька, водица-то хворь вмиг вытянет, – в глазах старика засверкали иголки инея. Колдун зашептал что-то, шепот поднялся над прудом и слился с шелестом листвы.

Дуня вошла в воду по голень и охнула:

– Батюшка, это не пруд, а омут, яма могильная! – ноги Дуни подкосились и она ушла с головой под воду.

Степан быстро вытащил девушку из пруда. Дуняша спала.

– Ну вот и славно, милая, вот и хорошо. Огонь-то телесный вода забрала.

Степан окликнул Федота и Николу, заглянул колдовским взглядом в душу каждого, сняв колдовскую пелену, и велел отнести спящую Дуню в избу.

До самого рассвета, пока чернильный бархат плаща старухи с косой не растаял в лучах зари, не смолкал варган и гортанное пение старика, сидящего на крыльце избы больной девушки.

Параскева всю ночь простояла на коленях в молитве пред иконой Христа Спасителя.

– Ну что, девица-красавица, где была, что видела? – спросил Степан пробудившуюся после долгого сна Дуняшу.

– Ой, батюшка, сон мне дивный был – разодетая, яки барыня, в соболиные меха, каталась я на тройке лошадей с бубенцами!

От хвори не осталось и следа, на девичьих щеках крепостной девки проступил румянец.

19 октября 2012 г.

Андрей Голубь

г. Владивосток, Приморский край

Панацея Рея Бредли

Я стоял напротив маленького черно-белого телевизора, на экране которого уже трижды прокрутили дебютный матч команды «Нью-Йоркские Янки». Три красных кожаных дивана были заняты людьми, которые, как овцы на скотобойне, терпеливо ждали своего часа. Не прав был человек, который сказал: «Судьба любого живого существа решается на небесах». Нет. Теперь я точно и с легкостью могу сказать, что судьба, по крайней мере человеческая, решается именно в таких крошечных кабинетах-скотобойнях, полных моральных мясников, продавцов свежанины и торговцев панацеей. Но давайте познакомимся, меня зовут Рей. Рей Бредли. Я букмекер, и шесть минут назад я узнал о том, что у меня рак легких в стадии, когда уже поздно лечить и пора задуматься о том, как мало я совершил за свою маленькую, никчемную жизнь. Весь врачебный комитет, состоящий из двенадцати дипломированных специалистов, словно под аккомпанемент одного дирижера, довольно успешно играя сочувствие, пожал плечами в неведении, и сейчас я стоял у выхода за стеклянным столиком, наспех заполняя бумаги об отказе от лечения. В подарок, как герою, прошедшему всю армаду анализов, мне дали полный пакет разнообразных буклетиков, наподобие: курорт Лос Вайлентс быстро поставит вас на ноги! Горный альпийский воздух, грязевые ванны, приветливый персонал и здоровое питание поспособствует вашему скорейшему выздоровлению! Или такое: «У вас проблемы? Мы вам поможем! Служба психологической помощи братьев Стоукер...»

Брошюры вперемешку с больничными листами и многочисленными справками весили не менее килограмма, упакованные в аккуратный белый пакет с большим красным крестом. Я расписался во всех бумагах и поспешил выйти на улицу, от запаха медицинских учреждений слегка кружилась голова и покручивало живот в призывах легкого ощущения подступающей тошноты. На выходе меня догнал доктор Альберт Мейсон.

– Рей! Рей, подожди, не спеши так.

– Что такое, Альберт? Решили потешиться, издеваясь над живым мертвецом? – я закурил сигарету, Альберт махнул рукой в попытке забрать ее у меня, но я, круто развернувшись и парировав эту атаку, сделал глубокую затяжку.

– Курение тебя погубит!

– Ты хотел сказать, погубило, верно?

– Помнишь того джентльмена, который сидел прямо напротив тебя? Это мистер Саймон, он директор оздоровительного центра, и он хотел обмолвиться с тобой словечком, его номер написан на брошюре базы отдыха «Саймонс Исланд».

Рекомендую тебе связаться с ним, мне кажется, ему есть, что тебе предложить.

– Место на кладбище с видом на больницу? Большое спасибо, Альберт. Обойдусь без посмертного заключения в кафельной тюрьме. Всего хорошего. Передавай привет Марте.

Я махнул рукой и сел в такси гораздо быстрее, чем Альберт успел что-то ответить.

– Гарден Сквер, пожалуйста, – таксист молча улыбнулся, затакал счетчик. В машине было тепло, пахло маслом и деревом. Я плотнее вжался в потертую кожаную седушку, глаза просто слипались. Моргать все тяжелее, как будто на верхние веки навесили груз, тело обмякло, и я провалился куда-то в глубины своего подсознания.

– Мистер! Эй, мистер! Сквер Гарден. С вас десять долларов четырнадцать центов.

Я проснулся, не понимая, где я нахожусь, в себя меня привел красный крест на помятом пакете. Ублюдки. Спящего пассажира они готовы везти целую вечность по всем пробкам или просто стоять на месте, чтобы побольше с него вытряхнуть. Этот, правда, что-то продешевил. Я кинул ему помятую десятку и молча покинул машину. Вот уж кому-кому, но не мне теперь бояться того, что меня собьет такси в отместку за то, что я недодал ему четырнадцать центов! Пакет с размаху влетел в уличное мусорное ведро, подняв столп пыли, по улице полетели исписанные листы с диагнозами, рентгеновские снимки и цветные листочки с изображением сказочных райских уголков, каждый из которых ярко пестрил обещаниями вылечить все известные болезни. Я поймал одну листовку, но написанное на ней почему-то сейчас вызывало какие-то смешанные ощущения. Красивым размашистым почерком было написано: Приглашаем вас посетить очаровательные пляжи оздоровительной базы отдыха «Саймонс Исланд»! У нас вы...

– Пошел к черту, Саймон! Пошел к черту вместе со своими пляжами!

Я распахнул шаткую ветхую дверь в третъесортный кабаk, людей сегодня было необычайно много для этого места.

Хотя я, кажется, ненароком ошибся, назвав их словом «люди». Люди – это счастливые семьи с зеленых солнечных центральных улочек. Улыбающиеся, здоровые, обеспеченные семьи. В этом месте людей нет. Эта мысль вызвала у меня злорадную улыбку. А ведь именно здесь начинается очередь на скотобойню, напрямиком в онкологический ад. Скоро и вам маленькая девочка лет двенадцати отроду с умным видом, без выражения всяких эмоций вручит вердикт о смертном приговоре с отсрочкой на пару месяцев, в фирменном белом пакете, с брендовым, красным крестом. Местные пьяницы, играющие в покер да в бильярд на выпивку, подающуюся молниеносно быстрыми, полуголыми девицами, все они стоят в очереди, разница лишь в том, что каждый торопится в свою собственную преисподнюю так, словно боится и переживает, что ему там не останется местечка. Несмолкаемый гул, сопровождающийся диким неистовым смехом и музыкой. Этот бар – моя букмекерская контора. Здесь, за этими самыми дубовыми столиками, с пару десятков лет назад я, совсем небольшого роста, тощий и весь в веснушках оборванец, каких были сотни тысяч на улицах, принимал незаконные ставки у толстых, богатых, как я поначалу думал, мафиози, с охраной и сигарами. Тотализатор с повышенными шансами на выигрыш, только и всего. Его открыл и начал развивать мой дядя, а я закончил. Закончил и закрыл.

Сзади на плечо опустилась рука. Ноздри начал щекотать аромат элитного парфюма, перед глазами пронесли сероватые колечки дыма от дорогой сигары, заставив меня слегка поморщиться.

– Вместе пойдем, Рей, к черту. Два виски со льдом! – он поднял над головой два пальца. Бармен кивнул, я повернулся к нему:

– Это же Саймон! Зачем ты пришел в такое славное место? В городе кончились рестораны, или ты просто обиделся на то, что я послал тебя вместе с пляжами?

– Нет, Рей.

– Ты пришел прорекламировать мне свою поликлинику? Можешь оставить меня в покое, я не поеду в твой райский уголок даже за бесплатно. Стоп! Я понял! Тебя загрызла совесть, и ты пришел посострадать мне? Хочешь предложить мне чемодан денег?

– Кое-что более интересное. Я пришел предложить тебе жизнь. Долгую жизнь, или ты себя уже приговорил?

– Ты пришел посмеяться? Это вы меня приговорили, змеи медицинские! Ты случайно ничего не забыл? Ты не забыл, что у меня рак? О какой долгой жизни ты пришел мне рассказывать?

Во мне, как в вулкане, вскипала обида, готовая вот-вот вырваться наружу. Как может ему хватать совести издеваться над смертельно больным человеком!

Саймон отхлебнул из стакана, горло обожгло, и он закашлялся.

– Тебе, наверное, будет интересно, – он кинул тяжелую бумажную папку на барную стойку.

На пол посыпались синие снимки с изображением черных дырявых легких и прописной подписью: «Говард Саймон, пятьдесят девять лет», а ниже подпись карандашом: «Два-три месяца. Лечение бессмысленно».

Я перевернул снимок в поисках даты.

– Я ни за что не поверю! Господи, да это же было шесть лет назад!

Он достал из папки более свежий снимок годичной давности и улыбнулся.

Бармен запустил для меня стакан виски по стойке, но он пролетел мимо цели, раздался звон бьющегося стекла и короткий девичий крик облитой моим пойлом официантки. Мои глаза неотрывно искали хоть одно темное пятнышко на снимке абсолютно здоровых и чистых легких. Я не нашелся, что сказать.

Говард допил стакан залпом и поставил его на стойку, подложив под него несколько долларов.

– Твое здоровье, Рей! Твое здоровье!

Ближе к середине ночи я оказался дома и без всяких сил повалился на кровать, у меня начался сильный приступ кашля, голова кружилась. К горлу подступал ком тошноты, все тело пробило потом. Страшно захотелось позвонить Альберту, но я сдержался, пытаюсь просто закрыть глаза и уснуть. Кашель не прекращался, я уже было начал задыхаться. В приступе паники я попытался встать и схватить телефон. Воздух из комнаты как будто выкачали, и я судорожно рухнул на пол, снося все на своем пути и теряя сознание.

Резкие цветные картины смывались в одно блеклое спектральное пятно, из которого вырисовывались восхитительные завораживающие и в то же время пугающие сюжеты. Я то и дело открывал глаза, весь в поту, и снова, задыхаясь, как рыба на берегу, трепетно хватая воздух открытым ртом, терял сознание, погружаясь в эту сказочную бездну. Я ходил по заброшенным трущобам, чувствуя себя их постоянным жителем, но одновременно, как слепой щенок, то и дело натякался на тупики. Я видел людей, глаза которых были пусты. Они просто шли на свет, устало прикрывая иссохшими ладонями серые безликие зрачки, но одновременно с этим я не мог не заметить ребенка. Девочку, которая пробиралась сквозь эту толпу. Люди то расходились, то отмахивались и отпрыгивали от нее, словно от прокаженной. Они не понимали: зачем? Зачем она противится их безмолвному течению? Но она шла, разводила руками бесформенные людские массы, полные гримас негодования, и, улыбаясь, смотрела на меня огромными зелеными глазами. Во мне она вызвала дикий приступ ужаса, я не в силах был сдвинуться с места, по телу пробежала дрожь, девочка уже была рядом и коснулась меня ладонью. Все тело будто сковало льдом. А она улыбалась! Теперь люди испуганно бежали от нее, топча друг друга, в их глазах читался тот же страх, что был во мне. Она убрала руку, и я, как подкошенный, повалился в пыльную землю.

– Тебе еще рано с ними, – она отвернулась, я вытянул руку, пытаюсь что-то сказать, кричал ей что-то вслепую, но она не слышала. Она просто уходила.

В уши врезалась монотонная мерзкая трель будильника, циферблат показывал пять утра, я подскочил, пытаюсь понять, что происходит. Совместно с будильником надрывался домашний телефон, да еще и входная дверь сотрясалась от тяжелых, глухих, осыпающих штукатурку с потолка ударов. Оказалось, что, задыхаясь ночью, я упал на кофейный столик и теперь сидел в мелко дробленной крошке стекла, обильно политой остатками вечернего кофе. Рядом с моим ухом лежал телефон, провод которого обвивал мои ноги, подобно змее. Я с размаху ударил по будильнику ладонью и дернул ногой в отчаянной попытке освободиться от телефонных пут. Телефон замолчал, пластиковая трубка отлетела в стену и раскололась надвое. Затем я бегом бросился открывать дверь, наспех накидывая на плечи халат. За дверью кто-то активно ругался самыми нецензурными выражениями, не прекращая при этом стучать ни на секунду. Распах-

нув дверь, я увидел, что в коридоре стоял не кто иной, как сам доктор Мейсон, своей бледностью и испуганным внешним видом напоминающий юного кладбищенского сторожа, да и к тому же с целой бригадой врачей.

– Какого черта тебе нужно? Не спится, Альберт? – сама обстановка всего этого события: до смерти напуганный доктор и санитарная команда – все указывало на то, что произошло что-то довольно неприятное.

Мне пришлось взять его за рукав и хорошенько тряхнуть, чтобы он пришел в себя. Альберт вздрогнул и пристально на меня посмотрел:

– Рей, как ты? – он внимательно осматривал меня, так что мне стало не по себе.

– Да нормально. А что со мной должно случиться?

– Рей, ты звонил мне около часа назад, ты очень долго хрипел в трубку, затем я слышал звук падения, и ты перестал хрипеть. Да ты даже дышать перестал!

– Я не мог тебе звонить, я спал!

Доктор был на грани истерики, мне пришлось затащить его в квартиру за плечи и успокаивать парочкой порций крепкого горячего кофе, налитого в найденные все там же, под прахом моего любимого столика, чашки. Он несколько раз еще кардинально осмотрел меня, прежде чем удалиться. Померил давление и температуру, послушал дыхание, прощупал пульс и, наконец, убедившись в том, что я визуальным образом полностью здоров, собрал свои многочисленные врачебные принадлежности в потертую кожаную сумку.

– Машина от Саймона будет здесь через двадцать минут, тебе бы поторопиться со сборами.

Мы лаконично обменялись рукопожатиями, и он вышел из комнаты, даже не закрыв дверь. А я до приезда машины так и сидел на расправленной кровати, пытаюсь найти всей этой истории хоть какое-то разумное объяснение.

С водителем мы почти не разговаривали. Я ехал на заднем сиденье, увлеченно наблюдая за тем, как стаи сонных, замученных своей повседневной жизнью людей в промышленных районах, по дороге на свою бессменную работу, с завистью провожали нашу машину взглядами, пока мы не скрывались за горизонтом. Наличие на водительском месте человека во фраке, белых перчатках и аккуратной шоферской кепочке, а также тонировка только задних стекол в совместном сочетании создавали впечатление того, что в город попала проездом кинозвезда или какой-нибудь магнат, которому принадлежит добрая половина здешних дымящих черным едким выхлопом труб. Дым аккуратно оседал на асфальт и плечи прохожих тружеников с дипломатами, создавая видимость легкого, приторного и вязкого тумана. Наверное, впервые за многие годы проживания в этом городе я заметил, что в промышленной его части нет белого цвета. Все то, что когда-то было белым: натянутые бело-красные навесы булочных старика Ролинза, магазины сладостей Хелло-Китти и их белые автоматы с конфетками, витрины магазинов – все, абсолютно все стало серым и блеклым из-за ежедневных осадков сажи и строительной пыли. Тоскливое настроение этого маленького, как будто отдельно живущего рабочего часового механизма так вкрадчиво пыталось пробраться в мои мысли, что я поспешил зашторить окно и отвлечься на радио, но новости на местной волне особого удовлетворения не принесли. Через несколько часов я уже разминал затекшее тело на центральной аллее лечебницы «Саймонс Исланд».

Место, в которое меня привезли, внешне ничего общего с больницей не имело. Зато оно более походило на дворец турецкого шейха. Или на смесь исторического музея Лондона с пятизвездочным отелем «Хилтон». Да и к тому же располагалось оно на выступе скалы у самого берега моря. Что не могло не производить особого впечатления. Меня встретил Говард в сопровождении нескольких парней в белых костюмах и секретарши, которая буквально не выпускала телефон из рук и не отрывала глаз от экрана.

– Добро пожаловать в «Саймонс Исланд», Рей! Как поездка? – Говард улыбался, а я вынужден был сразу же попросить у него прощения – такого великолепия я от него не ожидал! Мне сходу решили провести небольшую экскурсию, Говард даже пытался мне что-то рассказать, но все, что он произносил, терялось в моей голове и превращалось в невнятные звуки. Я наслаждался. Я действительно наслаждался архитектурой и атмосферой этого воистину древнего сооружения. Из всего его рассказа я запомнил только то, что его больница раньше была военным фортом, захваченным в свое время не то французами, не то англичанами. Отсюда, собственно, и форма окошек в виде полукруглых бойниц, и внушительный музей, содержащий коллекцию старых винтовок и пушек. Его парк протяженностью несколько десятков километров засажен редкими индийскими пальмами и переполнен бассейнами, здесь работают более четырехсот ученых разной направленности и нет ни одной женщины, кроме его секретарши и некой маленькой девочки Лауры, чем он, кстати, весьма меня огорчил. Его рассказ уже подходил к концу, и, когда мы шли по узкому коридору второго этажа к моей комнате, он превратился уже в обычную дружескую беседу:

– Вот так бывает, Рей, представляешь? И этот парень еще потом долго мне пытался доказать, что это невозможно!

– Что это? – я остановился на месте. Посреди коридора на полу лежал большой детский медведь с гигантским розовым бантом.

– А это Лаура оставила, она всегда раскидывает свои вещи, никак не могу приучить ее к порядку. – Он виновато поднял с пола мишку и отряхнул его. – Значит, она сама тоже где-то здесь. Лаура! Иди поздоровайся с дядей Реем!

Из соседней комнаты, не спеша, вышла маленькая девочка в цветастом пышном платье, расшитом мелкими красивыми узорами, и маленькой, словно кукольной, розовой детской шляпке. Я не смог даже пошевелиться от удивления, да ведь это она снилась мне вчера. Я могу узнать ее из тысячи таких же девочек хотя бы по цвету глаз. Но на этом моменте меня постигло разочарование, она подняла взгляд от пола, и я увидел, что ее глаза были светло-песочного цвета. Это, конечно, не менее удивительно, чем ярко-зеленый, но между этими цветами затесалась еще целая гамма красок. Она подошла ко мне почти вплотную и протянула ладошку для рукопожатия.

– Я Лаура, – я коснулся ее ладони пальцами.

– Очень приятно, а я дядя Р... – в этот момент боль пробила меня с ног до головы, по телу словно прошла электрическая волна, я закричал, но себя я уже не слышал. Мышцы напряглись, как струны, земля стремительно уходила из-под ног. Я чувствовал, как чьи-то руки подхватили меня и понесли вперед мимо моей комнаты. Уже издали я отрывками слышал далекий детский голос, звучащий в строгом, приказном тоне: «Мы не должны его потерять! Начинай! Начинай прямо сейчас, Говард! Если мы не успеем, ты заплатишься за это!»

Пришел в себя я в течение последующих минут пятнадцати, как мне показалось. Руки до сих пор сводило в коликах, и я все еще не мог пошевелиться, но через несколько секунд я увидел, что намертво привязан широкими ремнями к потертой грязно-серой кушетке. Кафельные стены вокруг были покрыты мерзкими зелено-желтыми водяными разводами и плесенью. Судя по запаху стоящей затхлости, это помещение напоминало не операционную, а, скорее, заброшенный подвал или бункер.

Вокруг меня находилось по меньшей мере с десятков человек в белых халатах, двое из которых сейчас открывали тяжелую, железную, проржавевшую дверь. Но даже среди всего этого смрада я улавливал запах лаванды, составляющей отнюдь не дешевую парфюмерную композицию, а вскоре заметил и его обладателя. Не отвлекаясь от маленького столика с препаратами, он вскоре первым задал мне вопрос:

– Как ощущения?

– Говард, что произошло? Кто эта девочка? И что это за место такое?

– Я первый задал вопрос. Как ощущения? Расскажи мне, каково это? Рей, каково это – соприкоснуться с Богом? – голос его был чересчур возбужден, и поэтому я не нашелся, что ответить, а точнее, я даже не представлял, кто из встретившихся мне сегодня людей вдруг перевелся в такой неземной титул. Вокруг бегали врачи с бумагами и медицинскими инструментами, то и дело выкрикивающие: «Пульс в норме», «Дыхание везикулярное», мимо стола, на котором находился я, стремительно пронесся парень в замызганной рубашонке, пытаюсь на бегу не наступить на что-то разбросанное по полу.

– Доктор Говард! Внутренние органы в стадии восстановления! Это настоящий прорыв!

Во время своей пылкой речи он настолько сильно махнул кипой своих бумажек, что зацепил одну из простыней, которыми была накрыта моя грудь. Простынь взлетела в воздух, демонстрируя всем присутствующим черный рисунок в виде двух огромных бобов, размазанных, будто маслом, по полотнищу. Голоса смолкли, и несколько медбратьев принялись скрести мою грудь маленькими лопатками, собирая с нее черную вязкую консистенцию в маленькие баночки, стоящие на алюминиевом подносе. Больше никто ничего не говорил. Все только удивленно перешептывались. Закончив, медбратья спешно покинули помещение, прихватив с собой поднос и увлекая весь остальной персонал за собой. Уже через несколько минут я оказался свободен от пут, а сидящий рядом Говард дрожащими пальцами впервые на моей памяти пытался прикурить сигарету.

Наверное, с минуту мы сидели молча. Свесив ноги с операционного стола, я с интересом осматривал помещение. Моя квартира вчерашним утром явно выглядела идеально прибранной в сравнении с этим местом. Всюду разбросанные медикаменты и диковинные инструменты наводили на мысль, что такие пациенты, как я, не раз посещали уже эту странную комнату. Загадкой для меня осталось лишь наличие на всех не кафельных местах в комнате, включая потолок и столики, мелких карандашных рисунков, чем-то напоминающих пентаграммы из журналов про секты. В такой обстановке я ощущал явный дискомфорт, если не назвать это состояние тревожностью. Говард наконец-то первым решился нарушить тишину.

– А знаешь, Рей, за всю долгую историю моей клиники исцелились только двое. Я и ты.

– А остальные? – не скрывая удивления, я мотнул головой в сторону кучи разбросанного инструментария, но он лишь отрицательно покачал головой.

– Видишь ли, это не столько лечебница, сколько лаборатория для ее изучения.

– Кого ее?

– Лауры, эта лаборатория создавалась мною долгие годы только для того, чтобы хотя бы немного ее понять, – он улыбнулся.

– Ты, наверное, ничего не понимаешь, да?

Говард покопался в нижнем отделе препаратного столика и достал оттуда пачку сигарет.

– Можешь уже закурить, я все сейчас тебе объясню, обещаю, через несколько минут тебе все станет предельно ясно.

– Ну что ж, просвещай меня, – я взял в руки сигарету, облокотился на кожаный твердый подголовник и приготовился к судя по всему удивительнейшему рассказу. А Говард в это время прокашлялся и, поправив очки, начал свое повествование.

А начал он его довольно-таки издавека. Оказалось, что в шесть лет он был мне почти соседом. Мы жили на одной улице в порту, и у нас даже были общие знакомые. В детстве Говард был болезненным ребенком, страдал частыми приступами астмы, поэтому гулял редко. Воспитывался он в семье военного, капрала Дейни Говарда-старшего, в собственности которого была даже недвижимость, выданная государством за заслуги, включающая в себя однокомнатную бетонную коробку с худой крышей и маленький полуразвалившийся сарай. Говард был младшим ребенком в семье, а посему именно он отвечал за содержание порядка и чистоты в доме. Матери своей он не знал, старший его брат, Дейни, съехал из отчего дома на тот момент уже как год назад и уже самостоятельно обеспечивал свое проживание, работая в супермар-

кете неподалеку. Практически каждый день Дейни, любимый старший сын, приезжал в гости, прихватив с собой несколько бутылок бренди, под любым предлогом и по любому поводу. Через несколько лет Саймон Дейни Говард-старший умер, оставив Дейни в наследство лачугу и лишив младшего сына крыши над головой. Брат выдворил его практически сразу, и ему ничего не оставалось, кроме как пойти добывать себе малейшие крохи на жизнь самостоятельно. С двенадцати лет Говард-младший уже наравне со старшими вкалывал по десять часов на одном из угледобывающих заводов в промышленном районе. Да и к тому же уже научился курить и сворачивать качественные самокрутки, почему и считался незаменимым членом каждого состава бурильщиков и шахтеров. В двадцать он стал старшим работником смены, но работал наравне со всеми, хоть и вернулись астматическая отдышка и кашель. К тридцати он все чаще стал болеть, а в тридцать пять, четвертого июля, сидя за телевизором в своей съемной квартире, первый раз прокашлялся с кровью. Через несколько месяцев это произошло на глазах у босса, и начальство наскоро выписало ему путевку в близлежащие районы Тибета в составе геологической группы поправить здоровье. Сразу можно упомянуть то, что влажный воздух и горные вершины на пользу ему не пошли. Говард чах, как свеча, с каждым днем все быстрее и быстрее. Событие, изменившее его жизнь, произошло, когда его, умирающего, бросили на произвол судьбы в заброшенном храме на краю деревни, потому что он задерживал всю экспедицию. В ту ночь, когда они ушли, начался сильный дождь, а к утру он уже не мог пошевелиться, началась лихорадка, и вот тогда в его жизнь вмешалась Лаура. Она взяла с него обещание привезти ее в большой мир, где у нее будет семья, и принялась его выхаживать. Через несколько дней ему стало легче, и вот тогда они двинулись в путь. Сначала он хотел оставить ее в первой же деревне, но когда они туда вошли, началось настоящее безумие! Мужчины похватили топоры, а женщины с диким воем бросали детей и бежали прочь из деревни. Они называли ее «Рахши», что в переводе с местного диалекта означает «чума». Другие падали перед ней на колени, эти звали ее «Асурой» – «богиней». После этого я не рискнул ее там оставить. И привез ее сюда. На этом его недлинный, но познавательный рассказ подошел к концу, а мое внимание привлекла небольшого размера резная деревянная баночка, наполненная черной слизью, пронизанной золотыми нитями.

– Что это такое? – я мазнул пальцем по внутренней кромке банки. Слизь, попавшая на палец, высохла, оставив только золотые нити. Говард подскочил, как обезумевший, схватил банку и прижал ее к себе:

– Это то, благодаря чему ты до сих пор жив, мы с тобой до сих пор живы. Это кровь асуры. Она любезно с тобой поделилась, и мне кажется, ты должен быть ей благодарен за это. Он посмотрел на часы:

– Боже мой, половина четвертого! Мы с тобой немного заболтались, уже пора наверх. Тебе нужно отдохнуть и набраться сил, я проведу тебя вечером.

Он помог мне подняться с кушетки, и я, нелепо ковыляя после наркоза, пошел вверх по лестнице к своей комнате.

С того момента прошли долгих два месяца, я почти все время проводил в парке или на побережье, часто играл с Лаурой и уже давно забыл то ощущение, которое она вызвала у меня при первой встрече. Я читал ей книги, особенно она любила сказки братьев Гримм, и их я перечитывал ей не один десяток раз, а в обмен она рассказывала мне о себе очень много интересных фактов. Например, то, что все, что нас окружало, принадлежит не Говарду, а ей. Или что ее кровь может быть как лекарством, так и ядом, поэтому всех ей лечить не получится, да и к тому же это может вызвать целый ряд неизвестных побочных эффектов. Что у нее никогда не было семьи. Что она знает все, что происходило или произойдет, и не раз удивляла меня, когда пересказывала мне вслух мои же мысли. Глаза ее часто меняли оттенок по настроению, и это было, наверное, наиболее удивительным из всего, что я видел. А однажды, засыпая, она назвала меня папой, что оставило в моей памяти неизгладимый отпечаток доброты и тепла, но я также видел, что с ней что-то происходило, что-то было не так, и ни я, ни Говард этого объяснить не

могли. На улице холодало, время поздней осени подходило к концу, плавно переходя в зиму. С первым снегом я проснулся на удивление рано. Через плотные жалюзи пробирались первые лучи света, а окно снаружи за ночь практически полностью покрылось инеем. По обыкновению потянувшись, я открыл глаза и увидел сидящую на краю своей кровати Лауру. Она явно была чем-то взволнована, хотя сейчас я и не мог сказать, чем. Ее руки дрожали, глаза были заплаканы и растерты, на моем одеяле лежали ключи от машины Говарда.

– Уходи, – она отвернулась и сейчас была похожа на простую, чем-то сильно обиженную девочку.

– Лаура, что происходит?

– Так нужно. Просто нужно, чтоб ты ушел. Сейчас. Пожалуйста, уходи! – она, всхлипывая, выбежала из комнаты, прикрывая лицо ладонями. Я наспех оделся и тоже вышел из комнаты, снаружи стояло человек пять санитаров.

– Вы за мной? – спросил я, увидев, что их шумный диалог прервался, и пять пар настоженных глаз изучающе впились в меня.

– О нет! Что вы, мистер Бредли. Мы здесь только для того, чтобы вам не пришла в голову мысль покинуть сие чудное заведение так спешно. – Длинный худощавый парень по имени Алан, начальник охраны, улыбался мне во все тридцать два зуба своей змеиной, притворной улыбкой, отчего мне стало немного не по себе.

Я спустился вниз на первый этаж, к кабинетам. Говарда, как выяснилось, у себя не оказалось. Я обыскался его по всему дому, но ни его, ни Луизы я ни в доме, ни в парке не встретил. Алан сказал, что Говард отправился в город ранним утром на встречу с деловым партнером из Бразилии, поэтому до вечера его можно не ждать. Весь день за мной на расстоянии десяти шагов ходили посменные группы караульных, а я размышлял над тем, как мне поступить. К вечеру, наконец решившись сбежать, я зашел в душевую и закрыл дверь на защелку. Не раздеваясь, я включил горячую воду и вылез на карниз через форточку в надежде спуститься вниз. Дул холодный морской бриз, окно быстро запотело от горячего пара и покрылось мелкими предательскими каплями влаги. Стоило мне только поставить обе ноги на подоконник снаружи, как я, подобно тяжелому мешку с мукой, тут же соскользнул под окна первого этажа, прямо на клумбу. Окинув взглядом высоту начальной точки своего падения, я начал осознавать, что моя вывернутая нога не самая дорогая цена, которую я мог бы заплатить за свой побег. Негромко выругавшись и оглядевшись по сторонам, я заметил, что в окне прямо над моей головой горел свет. Сквозь шторы был отчетливо виден силуэт Говарда, а из открытого окна ясно слышен его суровый голос, смешивающийся с всхлипываниями Лауры.

– Мистер Майерс, очень влиятельный бизнесмен из Атланты, немного приболел и попросил меня о помощи, а я не могу отказать старому другу! Неужели ты этого не понимаешь? – раздался громкий шлепок по лицу, и детское беззащитное тельце с глухим стуком упало на пол.

– Говард, перестань пожалуйста!

От ненависти и безысходности я до крови прикусил губу, не зная, как мне сейчас поступить. Уже удаляясь к гаражу, я слышал далекие крики Саймона: «Ты понимаешь, что будет, если о тебе узнают? Да ты подохнешь на операционном столе, как подопытный кролик! – глухие удары после этого раздавались все чаще и чаще, я уже порывался повернуть назад, и только последние капли благоразумия удерживали меня на месте. Количества санитаров, находящихся на территории клиники, хватило бы на то, чтобы, к примеру, захватить провинцию маленькой страны, такой, как Марокко или Судан, а связать меня им вообще бы труда не составило. Лаура определенно хотела, чтобы я уехал именно сегодня, но зачем? Учитывая ее способности, можно предположить, что мне грозит какая-то опасность, а поэтому не стоит здесь надолго задерживаться. Хотя я ведь сейчас мог за нее заступиться, при мне он вряд ли поднял бы на нее руку. Осыпая рыжую крошку кирпича ногами, я перелез через последний забор, отделяющий меня от свободы, с одной лишь надеждой и верой в то, что Лаура точно знает, что

делает. На парковке меня ожидал приятный сюрприз, все дело было в том, что принесенный мне утром ключ был ключом от самой излюбленной машины Говарда, красного спортивного «Шевроле» последнего года выпуска. Растянувшись в улыбке, я недолго простоял снаружи. Удобно расположившись в кожаном кресле, уже через минуту я на полной скорости летел в город той извилистой и петляющей дорогой, по которой меня везли сюда, пытаясь как-то упорядочить и распланировать свои дальнейшие действия.

Лучи дальнего света скользили по ограждениям, и я лихо пикировал мимо заборов и поворотов в узкие темные улочки, несясь к своей непосредственной цели. До города оставалось километров тридцать, не больше, когда я, сворачивая на проселочную дорогу с основной трассы, не без удовольствия вдавил педаль в пол. Машину хорошенько потрянуло на кочке, и я с ужасом замер, наблюдая перед собой стремительно приближающуюся бетонную стену без всяких знаков и указателей. Страх мгновенно ударил в кровь, и я не нашел ничего другого, кроме как закрыть лицо руками. Секунда, и я впечатался в стекло всей массой своего тела, покрывая салон кровавыми каплями вперемешку со стеклянной крошкой. В лицо летели кусочки красной краски, политые маслом, обломки бетона. Перекореженные обломки металла впивались со всех сторон куда-то под кожу, лишая возможности даже вдохнуть. Хаотичное движение вокруг остановилось, и я, не имея больше никаких сил, опустил голову на руль. Мир погрузился в тишину.

– Тройную дозу анестетика, я посмотрю его ближе к вечеру.

– Альберт, – голос меня не слушался, поэтому вместо имени из пересохшего горла вырвался гортанный булькающий стон. Доктор обернулся:

– Рей! Рей Бредли! Чертов сукин сын, это же надо было так напугать старика! – он повернулся к медсестре: – Ангела, оставь нас.

Ангела спешно хлопнула дверью, и он снова обратился ко мне:

– Рей, знаешь, есть люди такие, как я, они рождаются, как говорится, в рубашке. Тебе же, черт, соблаговолило появиться на свет, обернувшись сорокатонной броней от танка! – от порыва нескрываемого удивления Альберт почти перешел на крик.

– В таких авариях люди не выживают, а ты даже не поцарапался!

Я нашел в себе силы присесть на кровати, отчего удивление Альберта превратилось в настоящий ураган.

– От машины целого кусочка не осталось! Спасатели битый час доставали ее из стены! Ума не приложу, и как ты вообще остался жив? – Альберт поднял обе руки вверх, словно обращал этот вопрос к потолку или того выше, в небо и, не дождавшись ответа, отрицательно покачал головой.

– Я зайду ближе к ужину, нам еще многое нужно обсудить.

Моментально превратившись в обычного спокойного доктора Мейсона, он вышел из палаты, оставив меня в глубоком раздумье, ведь судя по тону, которым он произнес эту фразу, беседа будет далеко не о моем чудесном спасении. Весь остаток дня я приходил в себя. После обеда, окончательно приняв прежнюю форму и одевшись, я собирался пойти к Альберту сам, воспоминания о Лауре не давали мне покоя ни на секунду, нужно было что-то срочно предпринять. На глазах удивленного персонала, я с легкостью преодолел больничный коридор и вошел в кабинет Альберта. Он молча курил, расположившись в кожаном кресле большого начальника, устремив свой взгляд в середину дубового стола.

– Рей, расскажи мне подробно все, что ты знаешь об этом. На столе стояла пробирка, наполненная черной жидкостью, подобной той, что я уже видел однажды в операционной Говарда. Я в удивлении опустил на стул напротив.

– Где ты это взял, Говард?

– Этим наполнены твои вены, и наука не в силах объяснить, что это за вещество. Может, ты расскажешь мне все, что тебе известно? Это Саймон? Чем он тебя накачал там в своей лечебнице? – в его глазах мелькнул алчный огонек, и он вскочил с места.

– И все-таки твоя авария пошла мне на руку, это тянет на Нобеля! Это же панацея, Рей! Это панацея!

Говард, окончательно дав волю эмоциям, восторженно кричал и махал руками, а я с ужасом наблюдал настоящую сущность так давно знакомого мне доктора. Алчную, болезненно сумасшедшую и преследуемую идеями сущность. В моей голове лихорадочным потоком полились воспоминания: первое наше знакомство с Лаурой, тысячи букв интереснейших рассказов, ласковое и нежное слово «папа», игры в догонялки на побережье вдруг превращались моим воображением в огромную лабораторию для изучения свойств ее организма и многочисленных опытов. Все, что так тщательно скрывалось всеми нами, грозило вырваться наружу, и я не в силах был такое допустить. В какую-то секунду во мне взяли окончательный верх отцовские чувства, и я резко, до помутнения в глазах, подскочив со стула, схватил со стола пробирку. Ни бешеный крик, ни отчаянный рывок в мою сторону не остановили меня, и пробирка исчезла под подошвой моего ботинка. Говард оттолкнул меня в сторону, огонек в его глазах потух, сменившись отчаянием, и он безмолвно упал на колени. Среди мелких осколков стекла испарялась мечта доктора Говарда Мейсона, оставляя на паркете тонкие следы золотых нитей. Я вышел из кабинета и, не спеша, побрел по коридору в сторону выхода.

Ошеломленный, я распахнул двери выхода и сел на ступеньках больницы, не в силах придумать, что мне дальше делать и куда идти. С соседнего парка ветром доносились счастливые крики детей, играющих на детской площадке, мимо проносились озорные малыши на велосипедах, сопровождаемые заботливыми родителями. Среди всего этого многочисленного разнообразия звуков раздался громкий и отчетливый выстрел.

Я побежал назад и инстинктивно понесся к тому кабинету, где был несколько минут назад. Альберт, как обычно, сидел в своем излюбленном кресле, но на этот раз его взгляд не был устремлен вперед. Его глаза были закрыты, а подбородок уперся в грудь. Комнату переполнял пороховой дым. В руке доктора был крепко зажат револьвер, который всегда покоился где-то в недрах многочисленных настенных полочек. На столе лежала записка, написанная на листе в его рабочем ежедневнике. Я вырвал страницу и принялся ее читать, осознавая по мере прочтения всю глубину ошибки, которую я совершил несколько минут назад: «Рей, знаешь, как-то глупо получилось, но что сделано, то сделано. Видимо, у тебя есть своя тайна, которую тебе не хотелось бы раскрывать, но и у меня есть такая. Помнишь мою дочь Марту? Да, наверняка, помнишь. Она больна, Рей. Смертельно больна, и хуже всего то, что я ни как отец, ни как врач ничего не могу с этим поделать. У нее осталось всего несколько дней, она лежит в коме, в сто тринадцатой палате, позаботься о ней. И прости меня, пожалуйста. Твой старый друг, Альберт».

Через несколько секунд прибыла полиция. Полисмены в синих фуражках с золотистыми кокардами уже принялись опрашивать больных и осматривать место преступления, когда я скрылся за дверью сто тринадцатой палаты.

Вся палата сверху донизу была заставлена электроникой, издающей разные монотонные звуки. Каждый механизм, как добросовестный работник с фабрик в промышленном районе, занимался своей отдельной, конкретной функцией, но все вместе они, пикая и сверкая лампочками, служили единой цели – поддержанию всего одной человеческой жизни. Единственное, что из всего этого многообразия приборов для меня было знакомо по стареньким голливудским сериалам и фильмам, – это прибор искусственной вентиляции легких и железная коробочка с экраном, отмечающая каждое биение сердца. Тут, среди всей этой многочисленной электроники, я увидел хрупкое, бледное тельце, обернутое белой простыней. Марта. Ее личико сильно исхудало, а веки подергивались в такт пикающему звуку. В моей голове уже созрел

план действий, и я судорожно принялся его исполнять. Подперев дверь приборным столиком, я начал собирать по палате все, что могло мне понадобиться и, наконец, подготовившись, присел на край кровати. Перемотав руку выше локтя резиновым жгутом, я схватил со стола скальпель. В дверь постучали, но это только добавило мне решимости. Я замахнулся и, закрыв глаза, резко полоснул лезвием себе по запястью. Кровь, которую я так тщательно пытался сберечь, маленьким черным фонтаном ударила вверх и залила кафель на полу. Я занес руку над головой Марты, а другой рукой приоткрыл ей рот. Черная брызги падали ей на лицо, на губы, заливали простынь, оставляя серые грязные пятна, но несколько капель все-таки достигли своей цели.

Марта закашлялась, ее тело забилося в судорогах, пиканье приборов слилось в один сплошной звук. Я больше не мог удерживать свое тело и спустя несколько секунд рухнул под кровать, в лужу собственной крови. В глазах все двоилось, я рассматривал порез на запястье, который стремительно превращался в тонкую линию шрама. Протяжный звон резал слух, нащупав на полу скальпель, я уже намеревался повторить попытку, когда услышал резкий хруст рвущихся капельниц.

Рядом с моим лицом упало несколько датчиков, которыми до этого так обильно было усеяно ее тело, писк оборвался, сменившись протяжным гулом в ушах. Я улыбался, в голове пронеслась мысль: «Я позабочусь о ней, Альберт. Смотри, Лаура, у меня теперь есть дочь», на секунду мне даже показалось, что я сказал это вслух, но это было уже не так важно. Я слышал, как она встала с другой стороны кровати, маленькие бледные ручки схватили меня, придавая моему обессилевшему телу сидячее положение, в ту же секунду она обняла меня:

– Да, папа, – я повернул голову и в ужасе отшатнулся, рядом со мной в больничном халате, улыбаясь, сидела Лаура.

Я потерял дар речи, а она вопросительно смотрела на меня своими ярко-зелеными глазами. Следующей своей фразой она словно подвела черту, ответив разом на все не заданные мной вопросы.

– В тебе моя кровь, так же, как и в Говарде, и в Марте. И побочный эффект от ее переливания зависит полностью от того, чего я в этот момент захочу, а я всегда хотела, чтобы у меня была семья. Да, и называй меня Мартой, пожалуйста. Она снова обняла меня, но уже более нежно. В этот момент приборный столик отлетел в сторону под натиском нескольких полисменов, а рядом со мной последние капли моей крови превращались в еле видимый дымок, оставляя после себя на кафеле кружево блестящих золотых нитей.

После смерти Альберта прошли долгих полгода судебных тяжб и разбирательств, когда я в очередной раз встретил Говарда, прогуливаясь по парку. Он уже в сотый раз пытался уговорить меня переехать с Мартой в лечебницу, но я остаюсь равнодушен к его просьбам. После исчезновения Лауры он постарел, осунулся и стал более походить на малообеспеченного старика, чем на властного богача, каким был когда-то. «Саймонс Исланд» закрыли, теперь там находится пятизвездочная гостиница «Хилтон». Дул весенний ветер, а я шел вперед по тротуару в сторону единственной частной школы в округе, чтобы встретить ее после уроков. Я теперь был семейным человеком и нашел новую работу. Жизнь изменилась к лучшему и вошла в привычную колею. Все, что произошло, осталось теперь далеко позади, и я надеюсь, вскоре забудется. Искренне ваш Рей Бредли.

Оксана Гринберга

г. Рига, Латвия

Тринадцатая жертва

– Козы твои, шалавы, опять сбежали, – осуждающе произнесла соседка. – Залезли к Ленке и огород затоптали. Ты бы слышала, как она кричала!

Марина вздохнула, поставила на землю сумку с продуктами. Зинаида Михайловна, в народе просто баба Зина, поймала ее около калитки и докладывала последние новости.

– Я забрала негодниц и заперла в сарае, – у бабы Зины были ключи от ее ворот и дома на разные непредвиденные случаи.

– Спасибо, Зинаида Михайловна! – выдохнула Марина.

Как же хочется домой! Пятничный день в ветеринарной клинике тянулся бесконечно, пациенты и их хозяева как на подбор были нервными и раздражительными. Марина любила свою работу, но сегодня едва дождалась вечера. Затем пробег по магазинам, долгий путь домой в пыльном автобусе. Хорошо хоть не опоздала, в станицу Лазовская автобусы ходят всего три раза в день, а на такси из райцентра денег не напасешься.

– Да, еще сын директора приходил, тебя спрашивал, говорит, не смог дозвониться, – баба Зина подозрительно посмотрела на нее.

– Телефон дома забыла, – соврала Марина. Она отключила звук еще с утра. Тринадцать пропущенных звонков с его номера – идет на рекорд! – А что хотел?

– В кино тебя позвать в райцентр, – доложила баба Зина. – Ты бы пошла, деточка. Ведь хороший мужик, обстоятельный... Хозяйственный и при должности! Вон отца скоро на пенсию отправят, а его назначат!..

– Я подумаю, – ей совсем не хотелось принимать приглашение. До кинотеатра полчаса поездки в его машине, а это чревато приставаниями. Слова «нет» Стас Громов, будущий директор совхоза «Лазовской», не понимал.

– А что тут думать! Мужика надо ловить и женить, – строго сказала соседка. – Пока не убег.

Марина опять вздохнула. Да, очень жизненно! Особенно, когда собственный мужик у бабы Зины убег еще в незапамятные времена к парикмахерше из райцентра. Детей у соседки не было.

– Еще к Любке из десятого дома сын вернулся. Несколько лет по заграницам мотался, потом в Ростов приехал, устроился, писателем стал. Любка мне книжками его хвасталась.

Новость заняла еще пять минут Мариного времени. Блудный сын приехал на всю весну писать роман о жизни сельской глубинки. С демонами. Баба Зина про тех ничего внятного рассказать не могла. Самый большой демон в станице был механизатор Мишаня, когда самогону напьется. Марина покивала головой для приличия.

– Мариночка, я пирожков испекла! Хочешь, занесу? У тебя, наверное, опять дома нечего есть?

Марина пожала плечами. По станичным понятиям у нее и в самом деле из еды ничего нет.

– Все работаешь, а о себе не заботишься, – продолжала баба Зина. – Ну и кто тебя такую худую замуж-то возьмет? А годы-то идут и идут!

«Какой кошмар» – уныло размышляла Марина, слушая причитания соседки о том, что ей уже тридцать, хоть и красивая, а все еще в девках. Пришлось терпеть, уж больно знатные пирожки у бабы Зины!

Наконец, она закрыла ярко-синюю калитку и пошла в дом. Свой дом! Небольшой, в окружении вишневых деревьев, аккуратно выкрашенный в белый цвет. В станице признавали лишь два цвета – белый и синий, остальные как-то не приживались.

В первый выходной Марина старательно занималась домашним хозяйством. У нее был небольшой огород, как у всех в станице, птичник и три козы-шалавы. Также пришлось держать глухую оборону от Стасика. Хороший парень, видный, ходил за ней уже полгода, но бесполезно, не нравился он ей. Вечером приехали из станицы Красный Дол, телилась корова, первые роды, надо было присмотреть.

На следующий день Марина встала до рассвета и отправилась к реке. Вокруг, куда ни глянь, раскинулись бескрайние степи, бывшая казацкая вольница. Она уже давно присмотрела себе место около ленивой изгибистой реки. На большой поляне под сенью редких для этой местности деревьев Марина остановилась. Повернулась на восток, ожидая первых вестников восхода. День-то сегодня непростой – Весеннее Солнцестояние, праздник Остара! Природа замирает, найдя баланс между добром и злом, между светом и тьмой. А затем вступает в свои права весна, отворяется, пробуждается земля, появляются первые цветы и ростки на полях, весенние соки у деревьев.

Марина воткнула в землю кинжал, обвязала его веревкой с ножом на конце и стала чертить круг. Разбила на четыре части, по сторонам света. Поставила на юг свечу для стихии Огня, на север – плошку с солью духам Земли, на восточной стороне зажгла ладан для стихии Воздуха. Сходила к реке и принесла воды для Стихиалия Воды. Встала посередине, ожидая, когда рассвет вступит в полную силу. Вскоре красный диск появился в просветах между темными, еще зимними деревьями, она тихо произнесла молитву триединой Богине Арадии: Пречистой Деве, Матери и Старухе в одном лице.

Она застыла посреди круга, раскинув руки в стороны, впитывая в себя звенящую пустоту вокруг, чувствуя, как сила природы переполняет ее, захлестывает, переливается через край, заставляя живее биться сердце.

Наконец, довольная, вышла из круга, аккуратно затерла линии, не дай Богиня, кто найдет, пойдут разговоры. Собрала магические предметы и, стягивая с себя одежду, отправилась к реке. С Маныча уже сошел лед, весна выдалась теплая, но все же... Голос разума соблазнительно нашептывал, что в реке счастья нет. Счастье, оно обитает в горячей ванной с ароматическими травяными настоями. Решившись, стянула с себя носочки, последний оплот одежды, и бросилась в реку.

– Как водичка? – раздался мужской голос, когда она уже возвращалась к берегу.

– Довольно теплая для конца марта, – ответила Марина любезно. – Прошу вас, присоединяйтесь.

Мужчина хмыкнул. Он держал в руках ее большое полотенце, стоя на самом краю берега, рискуя замочить модные кроссовки.

– Я, пожалуй, воздержусь, – ответил он. – Уже отвык от местных привычек, знаете ли! Купаться в реке, раздвигая льдины, есть борщ в любое время суток, пить бабы Манин самогон, а после гонять белых бычков...

А, это он с Мишаней пообщался!

– Отвернитесь, – скомандовала она.

– Да я и так уже, – ответил мужчина, старательно рассматривая верхушки тополей в лесополосе, вытянув руки с полотенцем в ее сторону.

– Еще больше отвернуться не могу. Сие не есть в человеческой природе.

Марина забрала полотенце, быстро вытерлась, надела длинную юбку и футболку, накинула теплую кофту, которые незваный гость аккуратно сложил на берегу. Как много он видел?

– Можете повернуться, – наконец, разрешила она. С интересом взглянула на довольно молодое, симпатичное мужское лицо. У него были улыбающиеся темные глаза, уверенный подбородок и ироничный изгиб губ. «Мой тип», – подумала она.

– Вы – Марина? – спросил он, задержав на ней оценивающий взгляд. Она знала, что нравится мужчинам. Раньше это забавляло, потом как-то приелось.

– Мне ваша соседка сказала, что если вас нет дома, то вы ушли купаться.

Ох уж баба Зина! Столь ранний час, а уже на посту. Бдит.

– Что у вас случилось?

– Не у меня, а у моей собаки. Сбежал ночью на бля... – он хмыкнул, затем поправил себя:

– Ну, гулять ушел, утром вернулся весь в кровище. На лапе живого места нет... Я перевязал кое-как, но нам срочно нужна профессиональная помощь.

Марина кивнула. Ее и посреди ночи могли выдернуть. Издержки любимой профессии.

– Конечно, пойдете!

– Дайте, я вашу сумку понесу, – предложил он и представился. – Меня Артем зовут. Артем Стоцкий.

– Марина Арсеньева, – она протянула ему руку для пожатия. – Вы ведь блудный сын тети Любы? Ваше возвращение – главная новость станицы.

Он согласно кивнул. Шли довольно быстро, Марина впереди, Артем – позади, отвыкший от непролазной грязи мартовской степи.

– А вы хороший ветеринар? – спросил Артем.

– Пока что никто не жаловался. Мои пациенты не особо разговорчивы.

У нее было высшее образование в этой области и семилетний опыт в одной из лучших московских клиник. Затем она все бросила и уехала на юг, в небольшую казацкую станицу. Купила дом, нашла работу. К коровам, правда, долго пришлось привыкать. Три года пролетели незаметно, и от столичного шика в ней мало что осталось.

Пару часов Марина провозилась с лапой золотистого ретривера. От денег отказалась, а от завтрака, приготовленного тетей Любой, отказаться не было сил. Пшеничные пышки со сметаной и сгущенным молоком – обедение! Они пили жуткий растворимый кофе с парным молоком, Артем веселил ее, как мог, стараясь произвести впечатление. Марина слушала, смеялась в нужных местах, наслаждаясь утром. Иногда ей казалось, что она уже встречала нового знакомого, но никак не могла вспомнить, где именно. Тетя Люба, подперев щеку руками, смотрела на нее задумчиво, шевелила губами, словно что-то прикидывая. Марина даже знала, о чем думала местная почтальонша. Вдруг единственный сынок влюбится в ветеринаршу, все у них сложится, он возьмет да и останется в станице. Внуки пойдут, и видеть их можно будет не раз в месяц по выходным, а каждый день...

– Марин, вы завтра в райцентре работаете? Я вас подвезу. У меня как раз дела в городе...

Никаких у него дел не было, Марина была в этом уверена.

– Меня утром Семеныч на молоковозе подбрасывает. У нас традиция, ее нельзя нарушать, а то без меня у него молоко скисает. Совхоз понесет убытки, – она усмехнулась.

– Тогда я вас после работы заберу, – уверенно произнес Артем. Марина пожала плечами. Еще один из тех, что не понимает значение слова «нет». Стас узнает, будет в бешенстве. Глядишь, еще переедет знаменитого писателя на «Белоруси». Хотя это не ее дело, пусть сами разбираются.

Вечером, лежа в кровати, помолившись предварительно Богине, она с ужасом поняла, что ее вновь накрывает Бездна. Что-то темное выползло из глубин подсознания, из тьмы веков, чтобы пожрать и утащить за собой. Потом она кое-как возвращалась обратно, в обычный мир, истерзанная образами, чувствами и обрывками мыслей, которые складывались в воспоминания. Воспоминания о прошлых жизнях.

Она лежала на стылом полу камеры. На воле уже всю разыгралось жаркое испанское лето. Сколько же времени она провела в застенках Инквизиции? Пять, шесть месяцев? Дни сливались в одно кошмарное месиво с ночами, различаясь лишь тем, что днем в камере зажигали факел, и ее таскали на допросы. На ней лишь грубая грязная рубаха до колен, волосы спутаны, руки, лицо, спина – сплошные кровавые раны.

Она услышала, как приближались двое мучителей, их шаги глухо разносились по древним камням подземелья. Один немного припадал на левую ногу, Мари давно уже научилась отличать тяжелую прихрамывающую поступь. Ее единственное развлечение – это валяться на полу и слушать подземелье – шаги стражников и крики узников, доносящиеся из пыточной комнаты. О, она уже различала обитателей тюремных камер по их стонам!

В камеру вошли двое. Один из них, огромный, рыжий, с большим коленом, кинул в лицо одежду, которую она должна надеть на аутодафе, где ей зачитают приговор. Это желтый санбенито из грубой шерсти с нарисованными по подолу языками пламени и чертями. И кароча, цилиндрической формы колпак с похожими рисунками. В руках второго стражника – зеленая свеча кающихся, которую придется нести всю дорогу до центральной площади вместе с другими грешниками. Мари в ужасе завывала. О, если бы санбенито было без рисунков, это значило, что ее оправдали. Но это, с Адовым пламенем!..

Ее судьба решена, приговор подписан и будет исполнен сегодня! Камадеро, Площадь Огня, публичное сожжение на потеху толпе – таков ее удел! Но где вы, те, кто обещал найти способ оправдать ее в глазах Католической Церкви? Все это время она жила надеждой, что апелляция к Папе Римскому будет благосклонно им рассмотрена, ведь Братство не дает пустых обещаний... Триединая Богиня, почему они бросили ее?

Мари швырнула проклятые тряпки обратно в стражников, истерически захохотала. Тот, со свечей, ударил ее по лицу и пинал ногами, пока она не затихла. Рыжий нагнулся и стал натягивать на полубезжизненное тело грубое одеяние...

– Ты сдохнешь сегодня! – сказал он, пытаясь застегнуть нарамник на ее плече.

– Сдохну! – прошипела она в ответ. – Но с собой я заберу в Ад еще очень многих...

Ее ненависти хватит, чтобы швырнуть страшное проклятие в лицо тех, кто осудил ее, и личному врагу – Карлосу Вилланьева, Главному Инквизитору, когда тот будет зачитывать приговор! Ни черная ряса монаха-доминиканца, ни распятие на груди, ни молитвы на устах, с которыми он совершает свои злодеяния, не уберегут его от того, что она вызовет своими словами. Ее ненависть разбудит Зло. Оно утащит в Преисподнюю всех, кто издевался и мучил ее.

* * *

Марина очнулась. Села на кровати, обхватив себя руками. Слезы текли по лицу, мелкая липкая дрожь жила в теле собственной жизнью. Теперь она поняла, кого ей напоминал Артем! Главный Инквизитор, Карлос Вилланьева, самый страшный враг вновь вернулся! Она затряслась от ужаса. Разве может быть, что они встретились вновь спустя почти четыре века? Марина отрывисто помнила три из своих прошлых воплощений. В каждом из них она служила Богине, состояла в Братстве и дожила до глубокой старости в окружении детей, внуков и учеников. Сожгли ее в четвертом.

Подожди, сказала она себе, не сходи с ума преждевременно! С этими воспоминаниями всегда так... мутно и неясно. Вполне можно ошибиться, и человек, чью собаку она лечила этим утром, кто наливал чай из фигуристого фарфорового заварника и рассказывал байки из лондонской жизни, не причастен к страшному Злу, что причинили ей!

Она решила дождаться следующей ночи и вызвать Духа-Хранителя, чтобы задать вопрос. Этим вечером больше не было сил для ритуала, путешествие в прошлую жизнь высосало их

подчистую. Марина откинулась на кровать и натянула одеяло на голову, не совсем уверенная в том, что удастся уснуть. Мысли, словно подростки под амфитаминном, хаотически дергались, предлагая одновременно множество решений. Бежать, остаться, проклясть, перерезать горло, отравить, пожаловаться в Братство...

На следующий день Артем ждал ее около входа в клинику. Большой черный джип выглядел инородным телом в окружающем пейзаже, сплошь состоящем из образцов отечественного машиностроения. Прохожие издали косились на дорожную заграничную машину. Стайка мальчишек возилась рядышком, восторженно тыкая пальцами в огромные колеса. Да уж, Стасику с его «Беларусью» этот трактор, похоже, будет не по зубам!

– Писателям вполне сносно платят, – заметила Марина, усаживаясь в пахнущий кожей салон автомобиля.

Артем рассмеялся и стал рассказывать о нескольких своих удачных коммерческих проектах. Книги он стал писать недавно, больше от скуки, но получалось неожиданно хорошо. Марина украдкой разглядывала его и размышляла... все о том же. Он – не он? Если он, что делать? А может, все же показалось? Тогда, пожалуй, она расслабится и позволит Артему за собой поухаживать со всеми вытекающими приятными последствиями.

Машина резко зашла в один из поворотов и Марина от неожиданности завалилась на водителя. Их руки соприкоснулись, и она вновь погрузилась во тьму.

Большая площадь в центре города, привычное место работы профессиональных нищих, карманников и проституток. Добротные каменные дома, узкие улочки, по которым все прибывают опаздывающие. Протолкнуться вперед нет никакой возможности, почти весь город пришел посмотреть на зрелище, объявленное еще две недели назад. Публичное сожжение ведьмы для примирения ее с христианской церковью.

Камадеро, Площадь Огня, каменный эшафот, на котором уже закончены приготовления к казни. Четыре статуи католических Святых по его углам угрюмо и равнодушно взирают на людей, уже привыкшие к тому, что скоро произойдет в непосредственной близости от них. Задние ряды налегают, стараясь подобраться поближе, чтобы не пропустить ничего из воскресного развлечения. Никто не пожалел молоденькую ведьму и не удавил гарротой перед казнью, как делают с теми, кто покаялся в своих страшных преступлениях. Из-за этого зрелище ожидается еще более захватывающее. Какой интерес смотреть, как огонь пожирает мертвые тела либо нарисованные изображения раскаявшихся еретиков?

Костер, сложенный из влажных дров... Тонкая фигурка в желтом санбенито привязана к столбу. Монах с Библией и большим серебряным распятием в руках призывает ведьму покаяться, прежде чем она предстанет перед судом Божиим за свои прегрешения на земле.

Дым поднимается вверх, застилая молоденькую девушку, она мучительно кашляет. Толпа напирает, ожидая увидеть то, ради чего собрались в воскресный день – мучения нераскавшейся жертвы инквизиции.

Внезапно девушка перестает кашлять и замирает.

– Арадия, внемли моим словам! – кричит она срывающимся голосом.

Темным покрывалом ненависть ведьмы вырывается наружу, ей вторят слова на древнем, тягучем языке, которые она выкрикивает в толпу. Передние ряды в испуге пытаются отшатнуться, убежать, начинается давка. В истерике кричат женщины, кто-то истово крестится. Людей охватывает ужас. Черные, словно вечная Тьма, щупальца проклятия тянутся к монаху, который призывал ее покаяться. К нескольким стражникам, охраняющим костер, к палачу, что так старательно его поджигал и следил за тем, чтобы огонь разгорелся как следует... К двум монахам-иезуитам в черных рясах, похожим на встрепанных ворон, наблюдающим со стороны за происходящим.

Проклятие невидимой волной накрывает людей, что попадают ему на пути, проникает внутрь, сквозь кожу в кровь, в грудную клетку, легкие, сердце, навсегда отсекая человека от пронизывающих все живое нитей божественной энергии.

Но Карлоса Вилланьевы не было на этой площади.

* * *

– Марина, что с вами? – испуганно спросил Артем, резко съезжая с дороги в степь. – Вам плохо?

Нет, мне уже хорошо, – прошептала она. Картины последних минут прошлой жизни стояли перед глазами, Марина все еще чувствовала нестерпимую боль от огненных языков, пожирающих тело. – Мне надо выйти на свежий воздух...

Артем распахнул пассажирскую дверь и буквально вытащил ее наружу. Она обмякла на его руках, боясь пошевелиться. Инстинкты призывали бежать, прятаться от ласковых объятий и озабоченного взгляда Главного Инквизитора.

Попросив оставить ее одну, Марина ушла далеко в степь, плакала и молилась Богине, умоляя дать силу пережить эту боль. Наконец, когда мысли и чувства пришли в относительный порядок, она вернулась к машине. Пожаловалась растерянному Артему на обострившийся весенний авитаминоз.

Въехав в поселок, Марина спросила:

– Артем, а вы не могли бы мне одолжить одну из своих книг?

– Конечно, – ее интерес льстил молодому писателю. – Я с удовольствием вам подарю последнюю! Новенькая, три месяца как вышла!

Они подъехали к его дому. Артем настаивал, чтобы она поужинала с ним. Марине пришлось согласиться. Книга была нужна сегодня.

– Только на ночь не читайте, – смеясь, произнес он, когда принес свое творение. На обложке человек в черной рясе рубил косою головы полуголым женщинам. Марина вздрогнула. – А то ночью всякая дьявольщина снится будет, демоны там, ведьмы, злые духи...

Марина не слушала, рассматривая книгу. На задней обложке увидела его фотографию, усмехнулась. Ай-ай-ай, как неосторожно, господин Главный Инквизитор, отпускать такие вещи в мир, где ходят убиенные вами ведьмы! Где же ваше чувство самосохранения, что спасло в прошлый раз, когда вы не оказались на той чертовой площади?..

А духов она с двенадцати лет не боится, после того, как прошла первое посвящение, и ей, потомственной ведьме, по наследству перешел от бабки семейный Хранитель. С демонами тоже имела дело, к тому же, поговаривают, Московский Великий, возглавляющий российское Братство, сам наполовину демон. Марина испытывала к нему смешанные чувства – от страха до немого обожания. Сама же она была Главной Жрицей Двадцатки Москвы, пока не бросила все и не сбежала в бескрайние степи юга России.

Дома, дождавшись полуночи, она стала готовиться к вызову Духа Хранителя. Нарисовала два круга, один больше другого, положила книгу с фотографией Артема в центр. Написала Имена Власти вокруг меньшего, охранного круга, чтобы, не дай Богиня, Хранитель не вырвался на свободу. Потом лови его... Выпустить легче, чем загнать обратно! Зажгла свечи. Со злорадным удовольствием смотрела, как черный воск свечи капал и растекался по улыбающемуся молодому лицу на фотографии. Атам, ее ритуальный кинжал в виде головы дракона с кровавым рубином в зубах, символом Братства, вибрировал в руке. Марина провела острым лезвием по запястью. «Когда-нибудь сдохну от заражения крови!» – подумала она. От такого, правда, в Братстве еще никто не умирал, она может стать первой.

Осталось лишь произнести слова Призыва. Пламя черных свечей задрожало. Марина увидела Его, разрезающего материю пространства, идущего на вызов. Внутри первого круга замерла двухметровая полупрозрачная фигура Духа-Хранителя Семьи.

– Приветствую тебя! – произнесла Марина.

– Что ты хочешь, Главная? – голос духа звучал у нее в голове.

– Кто был этот человек в прошлом воплощении? – Марина указала рукой на фотографию, залитую черным воском. – Просмотри мои воспоминания. Был ли он Инквизитором процесса ведьмы Мари Салинос?

Он замер. Марина почувствовала, как призрачные холодные щупальца потустороннего существа проникли в ее разум. Она угодливо расслабилась, облегчая Духу работу.

– Да, – сказал Дух. – Это Великий Инквизитор Ордена Доминиканцев. Шестьдесят девять осужденных на сожжение душ. Семнадцать из Братства. Мари Салинос – тринадцатая жертва.

Отрывистые картинки из жизни Великого Инквизитора стали появляться перед ее мысленным взором. Дух делился информацией. Главный Инквизитор, Карлос Вилланьева, жил, казнил и мучил в угоду своей Веры. Умер в семьдесят семь лет во время утренней мессы. Его хотели канонизировать, но прошение затерялось в бюрократических хитросплетениях Папского кабинета.

– Что мне делать, Дух? – спросила Марина.

– Убить, – равнодушно ответил Хранитель. Они помолчали несколько секунд.

– Уходи, – произнесла ведьма.

– Прощай, Главная, – прохрипело у нее в голове, и Дух исчез.

Марина решительно взялась за атам, резанула по запястью еще раз.

Кровь вновь полилась на пол.

– Бабушка, призываю тебя! – откинув черную прядь с лица, громко произнесла Марина.

Позднее, стерев круги и убрав магические предметы, Марина вспоминала слова бабушки. «Убить, – согласно произнесла бывшая Главная Москвы. – Сначала соблазнить, а потом убить!». Бабушка всегда отличалась практической жилкой.

Не успокоившись, Марина полезла в подпол и вытащила старинный семейный гриммуар, стерла пыль с потускневшей от времени обложки. Стала осторожно и трепетно листать древние страницы, разглядывая посеребренные картинками и прыгающие строчки текстов на латыни. Бабуля говорила, что книга сделана из человеческой кожи, но Марина не верила.

Ее интересовала ранее не прочитанная глава «Инквизиция». Может, мудрость предков расщедрится на совет?

«Когда вас будут сжигать, нагните голову и дышите глубоко и часто дымом от разгоревшегося костра. Тогда вы быстро потеряете сознание, и само сожжение пройдет безболезненно. Вы очнетесь уже в объятиях Богини». Чушь! Она оставалась в сознании до последнего...

«Если вас допрашивает Инквизиция, все отрицайте. Говорите, что ничего не было, ничего не помните, все забыли». Жизненно, но Инквизиция любезно готова помочь вспомнить.

«Никогда, ни при каких случаях не упоминайте о Братстве. Если вы предадите своих Братьев и Сестер, вам не будет пощады ни в этой жизни, ни в следующих. И помните, Братство всегда заботится о вас. Если оно не сможет вытащить вас из рук инквизиции, то передаст снадобье, от которого вы умрете еще перед сожжением». Марина захлопнула гриммуар и с раздражением бросила в угол комнаты. Они не смогли ей помочь! Братство против Карлоса Вилланьева – один ноль в его пользу! Теперь ее очередь сравнять счет.

Следующие три дня она работала в совхозе, так как по совместительству была главным ветеринаром «Лазовского». Пришло время прививок, стада у них были обширными. Стас тоже активизировался, поняв, что у него появился конкурент. Устав от коровьих задов и прилипчивого замдиректора, Марина вечерами с трудом доползала до дома. Артем частенько звонил, но она не брала трубку.

Наконец, решилась и сама позвонила Артему. Приворотное зелье было готово, ждало своего часа. Они стали встречаться. Марина ходила, обвешанная охранными оберегами, как новогодняя елка дешевой мишурой. Если он решит прикончить ее еще раз, обереги отвлекут... на короткое время. Но, казалось, воспоминания прошлой жизни не тревожили мужчину.

Вглядываясь в Артема, она пыталась найти схожие черты с бывшим учителем. Внешне они не были похожи, единственное, что объединяло его настоящего с тем, из прошлой жизни, была страстная увлеченность. Бизнесу, творчеству, процессу ухаживания за ней – он отдавал себя полностью.

Наконец, Артем поцеловал ее около калитки дома, по-видимому, решив, что они благополучно миновали начальный период в отношениях. Марина не сопротивлялась. Это входило в план. Она робко ответила, удивленная внезапным страстным откликом собственного тела. Это было... ярко, живо, словно сладкий, дразнящий сон, от которого совершенно не хочется просыпаться. Умелые губы, руки на ее теле, полузабытое удовольствие от ощущения крепкого мужского тела, прижимающегося к ней... После того, как в Москве нахлынувшая неожиданная любовь растерзала душу, у нее больше никого не было.

– Марина, ты разрешишь? – шепнул он ей в ухо. Она знала, что он имеет в виду. Разрешит ли она ему войти в ее жизнь, в ее дом, в ее постель? Да, но не сегодня. Еще не время.

– Завтра! – шепнула она.

Следующим вечером она долго втирала приворотное зелье в тело, лицо, губы. Усмехнулась, ощутив горечь белладонны и болотного дурмана на губах. Скоро Инквизитор узнает, какая на вкус любовь ведьмы. После этого его жизнь уже никогда не станет прежней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.